

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

Василенко Е.А.

**НАКОПЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАМКАХ
ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Хрестоматия по курсу «Психология»

Учебно-методическое пособие для студентов педагогических вузов

Челябинск

2011

УДК 15 (09) (021)

ББК 88.1я73

В 19

Печатается по решению
кафедры педагогики и
психологии ФГБОУ ВПО
«Челябинский
государственный
педагогический университет»

Протокол № 12 от 20.05.2011.

Накопление психологических знаний в рамках философской традиции [Текст]:
хрестоматия по курсу «Психология»: учебно-методическое пособие для
студентов педагогических вузов / сост. Е.А. Василенко. – Челябинск: , 2011.

Рецензенты:

Крушная Н.А., канд. психол. наук, доцент кафедры специальной педагогики и
психологии и предметных методик ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный педагогический университет»

Мельникова Н.Н., канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии
ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

В учебно-методическом пособии содержатся фрагменты работ мыслителей
древности, Средневековья, Возрождения и Нового времени, позволяющие
проследить накопление психологических знаний в истории философской
мысли, постановку и решение важнейших философско-психологических
проблем. Пособие может быть использовано на практических занятиях и при
организации самостоятельной работы студентов по курсу «Психология».
Пособие адресовано студентам-бакалаврам педагогических вузов,
обучающихся по направлению 050700 «Специальное (дефектологическое)
образование».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	
Раздел 1. Философско-психологические проблемы в древности.....	
Раздел 2. Философско-психологические проблемы в Средние века.....	
Раздел 3. Философско-психологические проблемы в эпоху Возрождения.....	
Раздел 4. Философско-психологические проблемы в философии Нового времени.....	
Список литературы.....	

ВВЕДЕНИЕ

Современные реформы в области высшего образования, введение компетентностного подхода обуславливают необходимость изменения методов вузовского преподавания, усиления его практической направленности. Это касается и преподавания психологических дисциплин в педагогическом вузе. Современный выпускник педагогического университета должен не только знать различные психологические концепции, но и уметь использовать имеющиеся знания для выбора оптимального подхода к воспитанию и обучению ребенка. Особенно важно это для студентов, обучающихся по направлению «Специальное (дефектологическое) образование», которые должны уметь выбирать и реализовывать различные теоретические и практические подходы для организации индивидуального подхода при оказании коррекционно-педагогической, психологической и консультативной помощи ребенку с ограниченными возможностями здоровья и его семье.

Изучение истории психологической науки дает возможность студентам познакомиться с различными психологическими концепциями и научными подходами в их исторической связи, увидеть возможности их практического использования.

Одним из самых трудных для изучения этапов в истории психологии для студентов является этап накопления психологических знаний в недрах философской науки. Ситуация осложняется тем, что курс психологии изучается на первом курсе, когда студенты еще не изучили курс философии и истории философии. Это ставит перед студентами непростую задачу – в сжатые сроки познакомиться с философскими взглядами мыслителей древности, Средневековья и Нового времени, особенно подробно остановившись на их взглядах на сущность человека и его души, природу психического, способы познания человеком окружающего мира и самого себя.

Данное пособие разработано для того, чтобы студенты могли изучить решение этих проблем во взглядах различных мыслителей, опираясь на самостоятельное изучение фрагментов их работ. Для того чтобы студенты-первокурсники могли лучше разобраться во взглядах различных философов, материал из работ каждого автора структурирован по важнейшим антропософским проблемам, поднимаемым в его творчестве – сущность души человека, ее связь с миром и Богом, проблемы чувственного и рационального познания и т.д.

Подборке материалов по творчеству каждого автора предшествует небольшая историческая справка о его жизни и творчестве. Это позволит студентам увидеть связь творчества мыслителей с той эпохой, в которой они жили.

Материал пособия разделен на четыре раздела, в которых представлены философско-психологические проблемы в различные исторические эпохи – древности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. В конце каждого раздела представлены вопросы, отвечая на которые, студенты смогут структурировать полученные знания.

Пособие может быть использовано не только при изучении такого раздела курса «Психология», как «История психологии», но и при изучении других разделов. Оно поможет сформировать у студентов исторически выстроенные знания о развитии взглядов на каждое психическое явление в истории человеческой мысли.

Пособие может быть использовано как на практических занятиях по курсу «Психология», так и при организации самостоятельной внеаудиторной работы студентов.

Раздел 1

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ДРЕВНОСТИ

Сущность души человека в «Упанишадах»

Упанишады – памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли первого тысячелетия до н.э. Слово «Упанишады» означает буквально «сидеть около», т. е. у ног учителя, получая наставления; иногда трактуется как «тайное, сокровенное учение». По форме Упанишады представляют собой диалог мудреца-учителя с учеником. Упанишады являются дополнением к Ведам – древнейшему памятнику религиозно-философской мысли человечества. Однако, именно в Упанишадах наиболее полное отражение получили философские воззрения Древней Индии. В Упанишадах начинается обсуждение таких фундаментальных проблем, как место и назначение человека в системе окружающего бытия, природа внешнего мира и человека, характер его жизни и психики, границы и возможности его познавательных способностей, нормы его поведения и г. д. и т. п.

О брахмане - атмане

Брахман [атман] возник первым из богов, творец всего, хранитель мира ... Поистине это было вначале одним атманом. Не было ничего другого, что бы мигало. Он подумал: «Теперь я создам миры». Он создал эти миры ... Поистине от чего рождаются эти существа, чем живут рожденные, во что они входят умирая, ... то и есть Брахман. ... Поистине из этого атмана возникло пространство, из пространства — ветер, из ветра — огонь, из огня — вода, из воды — земля, из земли — травы, из трав — пища, из пищи — человек.

О человеке

Из них поистине состоит этот атман: из речи, из разума, из дыхания ... Поистине этот [атман] сначала становится зародышем в человеке. Это семя — силу, собранную из всех членов тела, — [человек] носит в себе как атмана. Он, его атман, становится на место [отца] ради [исполнения] Добрых дел. Далее, другой его атман, совершив то, что надлежит совершить, достигнув [своего] срока, уходит. Уйдя [из этого мира], он рождается снова. Это его третье рождение ...

Это дыхание — познающий атман — проникло в этого телесного атмана вплоть до волос, вплоть до ногтей. Подобно тому как нож скрыт в ножнах или огонь — в пристанище огня, так и этот познающий атман проник в этого телесного атмана вплоть до волос, вплоть до ногтей ...

Знай же, что атман — владелец колесницы; тело поистине — колесница; знай, что разум — колесничий; ум поистине — поводья. Чувства называют конями, предметы [восприятия] — их путями. [Атмана], соединенного с телом, чувствами и умом, мудрые называют наслаждающимися ...

О познании мира человеком

«Два знания должны быть познаны, — говорят знатоки Брахмана, — высшее и низшее». Низшее здесь — это *Ригведа*, *Яджурведа*, *Самаведа*, *Атхарваведа*, [знание] произношения, обрядов, грамматики, толкования слов, метрики, науки о светилах. Высшее же — то, которым постигается непреходящее ... Следует узнать это вечное, пребывающее в атмане; ничего не следует знать, кроме него.

Размышлением о нем, соединением [с ним], пребыванием в [его] сущности постепенно [прекращается] и в конце исчезает всякое заблуждение... Размышлением о нем [достигается] третье [состояние], с распадом плоти — господство над всем, одинокий достигает [исполнения] желаний ...

Об аскетизме и йоге

Поистине одно [дело] благое, другое приятное. Оба они с различными целями сковывают человека. Хорошо бывает тому, кто держится благого; гибнет цель у того, кто выбирает из них приятное... Разумный, поразмыслив, различает их. Ибо разумный предпочитает благое приятному, глупый ради мирского благополучия выбирает приятное.

Не должен человек радоваться богатству: разве сможем мы владеть богатством, если увидим тебя, [Яму — бога смерти]?.. Узнав и поразмыслив об удовольствиях, [рожденных] внешней оболочкой и страстью, [кто из смертных] станет радоваться слишком долгой жизни? Твердое владение чувствами — это считают *йогой*... Когда прекращаются все желания, обитающие в сердце, то смертный становится бессмертным и достигает здесь Брахмана ...

Вот правило для достижения этого [единства]: сдерживание дыхания, прекращение деятельности чувств, размышление, сосредоточенность, созерцательное исследование и полное слияние — это называется шестичастной *йогой*. Когда, видя благодаря ей, просвещенный видит златоцветного творца, владыку, *пурушу*, источник Брахмана, то, освобождаясь от добра и зла, он соединяет все в высшем неразрушимом начале.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. — Т.1. Философия древности и средневековья. — Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — С.79-93.

Накопление психологических знаний в античной философии

Античная философия возникла в первой половине VI в. до н. э. в малоазиатской части тогдашней Эллады — в Ионии, в городе Милете. Поэтому первая древнегреческая философская школа называется милетской. К ней принадлежали Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и их ученики. В своих еще наивных философских представлениях о мире милетцы опирались на более древнее мировоззрение Гомера и Гесиода, освобождая его от мифологической формы и перерабатывая в соответствии с начатками научного мышления своего времени. Работы этих первых мыслителей не дошли до нас, их философско-психологические воззрения известны нам по работам более поздних античных философов,

излагавших взгляды милетцев.

Фалес

(ок. 624-547 до н.э.)

Первый древнегреческий философ Фалес, причисляемый античной традицией к «семи мудрецам», несмотря на свое знатное происхождение, занимался одно время торговой деятельностью (существовала легенда, что или сам Фалес, или его предки были выходцами из Финикии). Фалес горячо интересовался судьбой родного города и всей Ионии. Он советовал ионийским полисам объединиться против персов. Фалес был знаком с ближневосточной наукой: вавилонской, египетской, финикийской; он учился у египетских жрецов математике и астрономии. Опираясь на ближневосточную астрономию, Фалес предсказал солнечное затмение, которое, как высчитали современные астрономы, имело место в Ионии 25 мая 585 г. до н. э. Фалесу приписывают несколько сочинений, но ни одно из них до нас не дошло.

О происхождении мира

Диоген Лаэртский: [Фалес], как [сообщают] некоторые, первый стал рассуждать о природе... Началом всех вещей он полагал воду, а космос – одушевленным и полным божественных сил.

Аристотель : Из первых философов большинство полагало в виде материи единое начало всего: то, из чего все сущее состоит, из чего как первого оно рождается и в чем как последнем оно гибнет... При этом о числе и виде такого начала не все говорят одно и то же. Фалес — родоначальник этой философии — говорит, что это вода (поэтому и земля из воды появилась); сделал он это предположение, вероятно наблюдая, что все питается влагой и что сама теплота из нее рождается и ею живет... а еще потому, что семена всего [сущего] имеют влажную природу.

О душе

Аристотель: Некоторые говорят, что душа размешана во Вселенной. Вероятно, исходя из этого воззрения, Фалес полагал, что все полно богов. ...Припоминают, что Фалес предположил, что душа есть нечто движущее, если он действительно говорит, что камень имеет душу, потому что он двигает железо.

Аэций: Фалес первый провозгласил, что природа души такова, что она находится в вечном движении или самодвижении... Согласно Фалесу, ум есть божество мироздания, все одушевлено и полно демонов.

Сеида. Изречения Фалеса весьма многочисленны, среди них и общеизвестное: «Познай самого себя».

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С.268-270.

Анаксимен (ок. 588 -525 до н.э.)

Об ученике Анаксимандра Анаксимене, жившем во второй половине VI в. до н. э., мы практически ничего не знаем. Из его работы «О природе» сохранился лишь один отрывок. Лишь в работах других авторов мы можем почерпнуть сведения о его взглядах.

Псевдо-Плутарх: Говорят, что Анаксимен назвал началом всего воздух, по величине беспредельный, но по своим качествам определенный. Движение же Анаксимен считает вечным. Благодаря ему все вещи превращаются [друг в друга].

Симплиций: А различается [воздух] по своей плотности или разреженности своей сущности. При разрежении рождается огонь, а при сгущении — ветер, затем туман, вода, земля, камень. А из этого [возникает] все прочее.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии: В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С.273-274.

Гераклит (ок. 520 - ок. 460 до н.э.)

Гераклит происходил из царско-жреческого рода Кодридов, который правил в родном городе Гераклита - Эфесе, неподалеку от Милета. Его род был лишен власти победившей здесь демократией. Гераклит уступил жреческий сан своему брату, удалился в храм Артемиды Эфесской. Он отказался от предложения персидского царя переселиться в Персию, как делали некоторые греческие аристократы. В конце своей жизни Гераклит удалился в горы и жил отшельником. Гераклит продолжил линию стихийного материализма милетских философов, но дал большой толчок развитию элементов диалектики – учения о развитии. Источником развития он видел борьбу противоположных начал, а проявлением – вечные взаимопереходы сущего из одного состояния в другое. Его основное, а может быть и единственное, сочинение «О природе», дошедшее до нас в отрывках, отличалось трудностью изложения. Еще при жизни Гераклита его прозвали «темным».

Диалектика: учение о развитии мира

Климент: Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим.

Иоанн Цец.: Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, иссохшее орошается.

Азций: Гераклит [учит], что вечный круговращающийся огонь [есть бог], судьба же — логос (разум), созидающий сущее из противоположных стремлений.

Ипполит: Борьба — отец всего и всему царь. Одним она определила быть богами, а другим — людьми. А [из тех] одним — рабами, а другим — свободными.

Ориген: Следует знать, что борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через распрю и по необходимости.

Ипполит: Не понимают, как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лука и лиры.

Аристотель: Противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию, и все через распрю создается.

Гераклит: В ту же реку вступаем и не вступаем. Существоем и не существуем... Все течет, все изменяется.

О душе человека

Арий Дидим: И души из влаги испаряются.

Климент: Душам смерть — воде рождение. Воде смерть — земле рождение. Из земли ведь вода рождается, а из воды — душа.

Арий: Зенон подобно Гераклиту называет душу одаренным способностью ощущения испарением.

Стобей : Сияющая, сухая душа мудрейшая и наилучшая.

О познании мира человеком

Секст: ... по мнению Гераклита, кажется, человек обладает двумя средствами дознания истины: чувственным восприятием и логосом.

Ипполит: Чему нас учат зрение и слух, то я ценю выше всего.

Полибий: Глаза более точные свидетели, чем уши.

Секст: Глаза и уши — плохие свидетели для людей, имеющих грубые души.

Стобей: Душе присущ самообогащающийся логос.

Стобей: Размышление всем свойственно.

Диоген Лаэртский: Ведь существует единственная мудрость: познать замысел, устроивший все через все.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. — Т.1. Философия древности и средневековья. — Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — С.275-280.

Анаксагор

(ок. 500 - 428 до н. э.)

Последователь Анаксимена, уроженец ионийского города Клазомен, Анаксагор был первым известным афинским философом. Он был близок к вождю афинской рабовладельческой демократии Периклу, которого в древности даже считали его учеником (как и известного автора трагедий Еврипида).

Накануне Пелопоннесской войны Анаксагору грозило судебное преследование по обвинению в богохульстве, чреватое самыми тяжелыми последствиями, и только заступничество Перикла спасло его от печальной участи. Однако Афины философ должен был оставить и бежать в Лампсак (Малая Азия), где создал свою философскую школу.

О мире и космическом разуме

Ипполит : Он высказал [учение], что начало Вселенной — ум и материя; ум — [начало] производящее, материя — [начало] страдательное.

Симплиций:...должно думать, что во всех соединениях [заключается] много различных [веществ] и [находятся] семена всех вещей, имеющие разнообразные формы, цвета, вкусы и запахи.

Аэций: Анаксагор... признал началами сущего гомеомерии. Ибо ему казалось в высшей степени непонятным, каким образом что-нибудь может возникнуть из небытия или уничтожиться в небытие.

Аристотель: Анаксагор утверждает, что... должно существовать какое-нибудь начало возникновения; оно едино; и называет он его разумом; разум, начавши некогда, действует посредством мышления; таким образом, по необходимости все когда-то было вместе и начало в известное время двигаться.

Аристотель: И поскольку ум мыслит обо всем, ему необходимо быть ни с чем не смешанным, как сказал Анаксагор, чтобы иметь господство, то есть, чтобы познавать.

О душе и разуме человека и животных

Аэций: Пифагор, Анаксагор и Диоген... объявили, что душа бессмертна.... Сон возникает вследствие истощения телесной энергии. Ибо [сон] — телесное состояние, а не душевное. Смерть же есть отделение души.

Аристотель: Анаксагор считает душу источником [движения]... Часто он называет ум источником красоты и основательности, в другом месте [у него сказано], что ум есть душа. Ведь ум, [по его взглядам], имеется у всех животных, как больших, так и маленьких, как у благородных, так и у более низких. Между тем, по-видимому, то, что называют умом в смысле рассудительности, не присуще одинаково всем животным, даже не всем людям... Анаксагор, по-видимому, считал, что душа отлична от ума... но пользуется обоими [понятиями], словно их природа одинакова, за исключением того, что ум он почитает началом преимущественно перед другими. Действительно, он говорит, что из всего существующего только ум есть нечто простое, несмешанное и чистое. Тому же самому началу он приписывает оба качества: и познание, и движение, утверждая, что ум все привел в движение.

Аристотель: Анаксагор говорит, что человек является самым разумным из животных вследствие того, что он имеет руки.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. — Т.1. Философия древности и средневековья. — Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — С.308-315.

Протагор (ок. 480- ок.410 до н.э.)

Видный представитель группы философов, названных софистами. В древней Греции это слово обозначало мастера, художника, создателя, изобретателя, мудреца. Но со второй половины V в. до н. э. это слово приобретает специальный смысл. Софистами стали называть платных учителей философии, красноречия (риторики) и искусства спора (эристики).

Протагор родился в городе Абдеры, в качестве «учителя мудрости» разъезжал по всей Греции, часто бывал в Афинах. Здесь в 411 г. до н.э. он был обвинен в атеизме, а его книга «О богах» публично сожжена. Из других его произведений сохранились отдельные фрагменты.

Протагор: Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют.

Секст: [Протагор] говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит к тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившееся кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему.

Платон: [Протагор говорил], что мера всех вещей есть человек, то есть какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими [они являются] тебе, таковы они для тебя.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С.316-318.

Демокрит (ок.460- ок.370 до н.э.)

Родоначальник атомистической теории. Родился в городе Абдерах, был учеником Левкиппа. Написал около 70 работ. Но они почти не сохранились. Об учении Демокрита мы можем судить только по работам более поздних античных авторов.

Атомистика

Аристотель: Демокрит же и Левкипп говорят, что [все] прочее состоит из неделимых тел, последние же бесконечны числом и бесконечно разнообразны по формам; вещи же отличаются друг от друга [неделимыми], из которых они состоят, их положением и порядком...

Гален: Атомы суть всевозможные маленькие тела, не имеющие качеств, пустота же — некоторое место, в котором все эти тела, в течение всей вечности носясь вверх и вниз, или сплетаются каким-нибудь образом между собой, или наталкиваются друг на друга и отскакивают, расходятся и сходятся

снова между собой в такие соединения, и, таким образом, они производят и все прочие сложные [тела], и наши тела, и их состояния и ощущения. Они считают первотела не испытывающими воздействия [извне]... Первотела не могут ни в каком отношении изменяться, они не могут подвергаться изменениям, в существование которых верят все люди на основании чувственного опыта; так, например, ни один из атомов не нагревается, не охлаждается, равным образом не делается ни сухим, ни влажным и тем более не становится ни белым, ни черным и вообще не принимает никакого иного качества вследствие [полного] отсутствия изменения [в атоме].

Два вида познания мира человеком

Гален: «[Лишь] в общем мнении существует цвет, в мнении — сладкое, в мнении — горькое, в действительности же [существуют только] атомы и пустота». Так говорит Демокрит, полагая, что все ощущаемые качества возникают из соединения атомов [существуя лишь] для нас, воспринимающих их, по природе же нет ничего ни белого, ни черного, ни желтого, ни красного, ни горького, ни сладкого.

Секст: ...он говорит, что есть два вида познания, из коих познание посредством логического рассуждения он называет законным и приписывает ему достоверность в суждении об истине, познание же посредством ощущений он называет темным и отрицает пригодность его для распознавания истины.

Гиппократ: Над всем тем, что ускользает от взора очей, господствует умственный взор.

О душе

Аэций: [душа] — огнеподобное сложное [соединение] умпостижимых [телец], имеющих сферические формы и огненное свойство; она есть тело.

Макробий: Демокрит: [душа] — воздух, примешанный к атомам, [обладающий] такой легкостью движения, что для него всякое тело проницаемо.

Аристотель: Некоторые утверждают, что душа приводит в движение тело, в котором она находится, вследствие того, что она сама движется. Таково было мнение Демокрита...

Аэций: Демокрит и Эпикур [говорят]: душа состоит из двух частей; она имеет разумную [часть], помещающуюся в груди, и неразумную [часть], рассеянную по всему телу... А именно Гиппократ, Демокрит и Платон помещают главенствующую часть [души] в мозгу.

Аэций: Демокрит и Эпикур [говорят]: душа смертна, она уничтожается вместе с телом. Парменид, Эмпедокл и Демокрит [говорят]: душа и ум — одно и то же. По их мнению, не может быть ни одного животного, которое было бы совершенно неразумным.

Об ощущениях

Теофраст: Видение, по его мнению, возникает от отражения. О последнем он учит оригинально. А именно, [по его учению], отражение не прямо

возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым [предметом], получает отпечаток, сдавливаясь видимым и видящим. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение. Затем воздух, став плотным и приняв иной цвет, отражается во влажной [части] глаз. Плотное не принимает [отражения], влажное же пропускает [его]. Поэтому влажные глаза для зрения лучше сухих.

[...] Слух же он объясняет почти так же, как и прочие [философы]. А именно, попадая в пустоту, воздух совершает движение; помимо того что он одинаково входит во все тело, он особенно и наиболее [проникает] в уши, так как [здесь] он проходит через наибольшую пустоту и менее всего задерживается. Поэтому звук не ощущается в остальном теле, но только здесь, [в ушах]. Когда же [звук] возникает внутри, то [он тотчас] рассеивается вследствие быстроты [своего движения]. Ибо звук бывает, когда воздух сгущается и с силою входит [в уши]. И так, как он объясняет возникновение внешнего ощущения осязания, точно так же [он объясняет и возникновение] внутреннего (ощущения слуха).

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С.322-346.

Эпикур

(ок.342-270 до н.э.)

Великий древнегреческий материалист, последователь Демокрита и продолжатель его атомистического учения. Родился на острове Самос, большую часть жизни провел в Афинах, где в 307 г. до н. э. основал одну из наиболее влиятельных школ античности, известную в истории под названием «Сад Эпикура». Его главный труд — «О природе» — содержал 37 книг. Известны названия и ряда других его работ, но ни одна из них до нас не дошла. Сохранилось лишь три письма Эпикура, излагающие основные положения его учения. Кроме этих писем сохранилось еще небольшое сочинение Эпикура, написанное в виде афоризмов (всего их 40) и известное под названием «Главные мысли». Ниже приводятся отрывки из двух писем Эпикура — «Письма к Геродоту» и «Письма к Менекею».

О мироздании

Далее, Вселенная состоит из тел и пространства... Кроме того, неделимые и полные тела, из которых образуются соединения и в которые они разрешаются, имеют необъятное число форм, ибо невозможно, чтобы такое множество различий в сложных предметах могло образоваться из одних и тех же ограниченных по числу форм. И в каждой форме подобные атомы безграничны по числу, а различие форм в них не совсем безгранично, но только необъятно. Атомы движутся непрерывно в течение вечности... Далее, миры безграничны [по числу], как похожие на этот [наш мир], так и не

похожие. Ибо атомы, число которых безгранично, как только что было доказано, несутся даже очень далеко.

О восприятии предметов

Далее, существуют очертания (отпечатки, оттиски), подобные по виду плотным телам, но по тонкости далеко отстоящие от предметов, доступных чувственному восприятию. Ибо возможно, что такие истечения могут возникать в воздухе, что могут возникать условия, благоприятные для образования углублений и тонкостей, и что могут возникать истечения, сохраняющие соответствующее положение и порядок, которые они имели и в плотных телах. Эти очертания мы называем образами.

Затем... образы имеют непревосходимую тонкость... непревосходимую быстроту, ибо всякий путь для них — подходящий, не говоря уже о том, что истечению их ничто не препятствует или немного препятствует, тогда как большому или безграничному числу [атомов в плотных телах] тотчас же что-нибудь препятствует. Кроме того... возникновение образов происходит с быстротой мысли, ибо течение [атомов] с поверхности тел непрерывно, но его нельзя заметить посредством [наблюдения] уменьшения [предметов] вследствие противоположного восполнения [телами того, что потеряно].

Должно полагать также, что тогда только, когда нечто привходит к нам от внешних предметов, мы видим их формы и мыслим о них... И всякое представление, которое мы получаем, схватывая умом или органами чувств, — представление о форме ли или о существенных свойствах — это [представление] есть форма [или свойства] плотного предмета, возникающие вследствие последовательного повторения образа или впечатления, оставленного образом. А ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью [к чувственному восприятию] относительно того, [что ожидает] подтверждения или неопровержения, но что потом не подтверждается [или опровергается].

Далее, слышание происходит оттого, что некое течение несетя от предмета, говорящего, или звучащего, или шумящего, или каким бы то ни было образом дающего чувство слуха...

И относительно запаха надо думать, как и относительно слуха, что он никогда не мог бы произвести никакого эффекта, если бы не существовали некоторые частицы, уносящиеся от предмета, устроенные соответственным образом для того, чтобы возбуждать этот орган чувства: одни из этих частиц находятся в беспорядке и чужеродны по отношению к нему, другие — в порядке и родственны ему.

О душе человека

Обращаясь к чувствам внешним и внутренним — ибо таким путем получится самое надежное основание достоверности, следует постигнуть, что душа есть состоящее из тонких частиц тело, рассеянное по всему организму, очень похожее на ветер с какой-то примесью теплоты, и в одних отношениях похожее на первое, [т. е. на ветер], в других — на второе, [т. е. на теплоту].

Есть еще часть [души], которая по тонкости частиц имеет большое отличие даже от этих самих и по этой причине более способна чувствовать согласно с остальным организмом. Обо всем этом свидетельствуют силы души, чувства, способность к возбуждению, процессы мышления и все то, лишаясь чего, мы умираем. Далее, следует держаться убеждения, что душе принадлежит главная причина чувства; однако она не получила бы его, если бы не была прикрыта остальным организмом... Пока душа пребывает в теле, она никогда не лишится чувства, хотя потеряна какая-нибудь другая часть тела... А остальной организм, хотя и продолжает существовать весь ли или в какой-нибудь части, — не имеет чувства, когда удалилось то количество атомов, как бы ни было оно мало, которое составляет природу души. Затем, когда разлагается весь организм, душа рассеивается и уже не имеет тех же сил и не совершает движений, так что не обладает и чувством. ... Поэтому говорящие, что душа бестелесна, говорят вздор. Ибо она не могла бы ничего делать или испытывать действие, если бы была таковою...

Далее, надо полагать, что сами обстоятельства (предметы) научили и принудили [человеческую] природу делать много разного рода вещей и что разум впоследствии совершенствовал то, что было вручено природой, и делал дальнейшие изобретения...

О возникновении речи

Впоследствии у каждого народа с общего согласия были даны вещам свои особые названия, для того чтобы сделать друг другу [словесные] обозначения менее двусмысленными и выраженными более кратко. Кроме того, вводя некоторые предметы, ранее невиданные, люди, знакомые с ними, вводили и некоторые звуки для них; в некоторых случаях они вынуждены были произвести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно обычному способу образования слов и таким образом сделали их значение ясным

О благоразумии и удовольствии

Так как удовольствие есть первое и прирожденное нам благо, то поэтому мы выбираем не всякое удовольствие, но иногда мы обходим многие удовольствия, когда за ними следует для нас большая неприятность; также мы считаем многие страдания лучше удовольствия, когда приходит для нас большее удовольствие, после того как мы вытерпим страдания в течение долгого времени... Хлеб и вода доставляют величайшее удовольствие, когда человек подносит их к устам, чувствуя потребность. Таким образом, привычка к простой, недорогой пище способствует улучшению здоровья, делает человека деятельным по отношению к насущным потребностям жизни, приводит нас в лучшее расположение духа, когда мы после долгого промежутка получаем доступ к предметам роскоши, и делает нас неустрашимыми пред случайностью.

Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от

телесных страданий и от душевных тревог... Начало всего этого и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно. Ведь добродетели по природе соединены с жизнью приятной, и приятная жизнь от них неотделима. В самом деле, кто, по твоему мнению, выше человека, благочестиво мыслящего о богах, свободного от страха перед смертью, путем размышления постигшего конечную цель природы, понимающего, что высшее благо легко исполнимо и достижимо, а высшее зло связано с кратковременным страданием; смеющегося над судьбой, которую некоторые вводят как владычицу всего?..

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С.346-358.

Платон

(ок. 428 – ок.347 до н. э.)

Родился в очень знатной, аристократической семье, по-видимому, в Афинах. Примерно в возрасте 20 лет познакомился с Сократом и стал его восторженным учеником. Смерть Сократа Платон пережил очень тяжело. Большую часть своей жизни Платон провел в Афинах, где вокруг него собралась значительная группа учеников, образовавших школу, получившую наименование Академии. Здесь философ написал свои труды, которым он придал высокохудожественную форму диалогов (главное действующее лицо в них — Сократ, обычно выражающий мысли самого автора). Всего их более 20 (не считая более 10 диалогов, принадлежность которых Платону сомнительна); ему принадлежит также более десятка писем. Учение Платона об идеях и их материализации в земном бытии заложило основы объективного идеализма и идеалистического понимания психики в европейской философии. Ниже приведены отрывки из диалогов «Государство», «Федр», «Менон».

Об идеях

Но каждый из видов [видимых предметов]... не есть ли мысль? А мысли негде больше быть, как в душах.— Так не вид ли будет это мыслимое одно, всегда тождественное во всем? [...] Эти виды стоят в природе как бы образцы, а прочие вещи подходят к ним и становятся подобиями; так что самая причастность их видам есть не иное что, как уподобление им (Парменид, 130 В - 132 D).

Когда занимаются видимыми формами и рассуждают о них, тогда мыслят не об этих, а о тех, которым эти уподобляются: тут дело идет о четвероугольнике и его диагонали самих в себе, а не о тех, которые написаны;

таким же образом и прочее. То же самое делается, когда ваяют или рисуют: все это — тени и образы в воде; пользуясь ими как образами, люди стараются усмотреть те, которые можно видеть не иначе, как мыслию.

О земном бытии и ограниченности человеческого познания

После этого-то, сказал я, нашу природу, со стороны образования и необразованности, уподобь вот какому состоянию. Вообрази людей как бы в подземном пещерном жилище, которое имеет открытый сверху и длинный во всю пещеру вход для света. Пусть люди живут в ней с детства, скованные по ногам и по шее так, чтобы, пребывая здесь, могли видеть только то, что находится пред ними, а поворачивать голову вокруг от уз не могли. Пусть свет доходит до них от огня, горящего далеко вверху и позади их, а между огнем и узниками на высоте пусть идет дорога, против которой вообрази стену, построенную наподобие ширм, какие ставят фокусники пред зрителями, когда из-за них показывают свои фокусы. — Воображаю, сказал он. — Смотри же: мимо этой стены люди несут выставяющиеся над стеною разные сосуды, статуи и фигуры, то человеческие, то животные, то каменные, то деревянные, сделанные различным образом, и что будто бы одни из проносящих издают звуки, а другие молчат. — Странный начертываешь ты образ и странных узников, сказал он. — Похожих на нас, примолвил я. Разве ты думаешь, что эти узники на первый раз как в себе, так и один в другом видели что-нибудь иное, а не тени, падавшие от огня на находящуюся пред ними пещеру? — Как же иначе, сказал он, если они принуждены во всю жизнь оставаться с неподвижными-то головами? — А предметы проносимые — не то же ли самое? — Что же иное? — Итак, если они в состоянии будут разговаривать друг с другом, не думаешь ли, что им будет представляться, будто, называя видимое ими, они называют проносимое? — Необходимо. [...] — Да и истинно-то, примолвил я, эти люди будут почитать, без сомнения, не что иное, как тени (Государство, 514 А — 517 D).

О душе человека и истинном познании

Мысль бога питается разумом и чистым знанием, как и мысль всякой души, которая стремится воспринять то, что ей подобает; поэтому она, когда видит сущее хотя бы время от времени, любит его, питается созерцанием истины и блаженствует, пока небесный свод, описав круг, не перенесет ее опять на то же место. В своем круговом движении она созерцает самое справедливость, созерцает рассудительность, созерцает знание, не то знание, которому свойственно возникновение, и не то, которое меняется в зависимости от изменений того, что мы теперь называем бытием, но то настоящее знание, что заключается в подлинном бытии... (Федр, 247 D — E).

Раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна

вспомнить то, что прежде ей было известно (Менон, 81 С —D).

Душа же человека состоит из трех частей, а именно: вожделеющей, пылкой и разумной. Только души людей обладают разумом, поскольку сотворены из того же состава, что и мировая душа. Они же могут познавать идеи и стремиться к добродетели, если очистятся от вожделения и чувств... (Тимей, 34 D).

Человек должен постигать общие понятия, складывающиеся из многих чувственных восприятий, но сводимые разумом воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока смотрела на то, что мы теперь называем бытием, и, поднявшись, заглядывала в подлинное бытие. [...] Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным (Федр, 249 С-D).

Два вида познания

Все, что мы там случайно наговорили, относится к двум разновидностям, и вот суметь искусно применить сильные свойства каждой из них — это была бы благодарная задача... Это способность, охватив все общим взглядом, возводить к единой идее разрозненные явления, чтобы, определив каждое из них, сделать ясным предмет нашего поучения. [Другая способность]... это, наоборот, умение разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни один член, словно дурные повара; так в наших недавних речах мы отнесли все не осознанное мышлением к одному виду (Федр, 265 D — E).

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. — Т.1. Философия древности и средневековья. — Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — С.374-407.

Аристотель

(384—322 до н. э.)

Родился в г. Стагире (Фракия) в семье придворного врача македонского царя. В 367 г. отправился в Афины и стал одним из учеников Платона. Оставался членом Академии в течение 20 лет, до самой смерти Платона. В 343 г. по приглашению македонского царя Филиппа стал воспитателем его сына, будущего царя Александра. Когда последний стал царем, Аристотель снова вернулся в Афины (в 335 г.), где он создал собственную философскую школу, получившую наименование Ликее. В кругу своих многочисленных учеников философ развернул здесь активную преподавательскую и научную деятельность. Она продолжалась до смерти Александра Македонского (323 г.), после чего Аристотель, которого в Афинах рассматривали как приверженца македонской партии, был вынужден бежать из этого города и поселиться в Халкиде (о. Эвбея), где и умер в 322 г.

До нас дошли произведения Аристотеля, написанные им в период его деятельности в Ликее. Эти произведения, в которых сформулирована едва ли не вся сумма знаний древних греков той эпохи, подразделяются на несколько

групп: 1) логические трактаты, совокупность которых получила у комментаторов великого мыслителя наименование «**Органон**» (т. е. орудие, или метод); 2) трактаты, в которых рассматриваются различные вопросы, связанные с истолкованием природы, движения, жизни живых существ; 3) этические сочинения; 4) социально-политические и исторические сочинения; 5) работы об искусстве, поэзии и риторике.

Критика теории идей

А в наибольшее затруднение поставил бы вопрос, какую же пользу приносят идеи по отношению к воспринимаемым чувствами вещам — либо тем, которые обладают вечностью, либо тем, которые возникают и погибают. Дело в том, что они не являются для этих вещей причиной движения или какого-либо изменения. А с другой стороны, они ничего не дают и для познания всех остальных предметов (они ведь и не составляют сущность этих предметов, иначе они были бы в них), и — точно так же — для их бытия, раз они не находятся в причастных к ним вещах.

А вместе с тем и из идей [как таких] не получается остального [бытия] ни одним из тех способов, о которых [здесь] обычно идет речь. Говорить же, что это образцы и что все остальное им причастно, — это значит говорить пустые слова и выражаться поэтическими метафорами. Что это за существо, которое действует, взирая на идеи?

О субстанциях

Один из родов существующего составляют субстанции. Каждая субстанция заключает в себе: материю, которая сама по себе не есть что-либо определенное, во-вторых, форму и вид, в силу которого она становится определенным предметом, и, в-третьих, нечто состоящее из этих двух частей. Материя при этом есть только потенция, форма же — энтелехия [цель]...

О душе человека

Очевидно, что в этом случае она [душа] есть энтелехия тела в смысле знания, потому что, как скоро существует душа, является сон и бодрствование: бодрственное состояние имеет аналогию с прилагаемым к делу знанием, сон — со знанием, присущим душе, но не обнаруживающимся в действии. Знание по своему происхождению предшествует приложению, потому душа есть первая энтелехия естественного тела, способного к жизни и организованного.

О душе растений и животных

Растения тоже обладают органами, только в высшей степени простыми. Так, лист есть покров для скорлупы, а скорлупа есть покров плода; корни имеют сходство со ртом, потому что ими, как и ртом, вбирается пища. Таким образом, общее определение души будет следующее: душа есть энтелехия естественного органического тела.

...Если бы глаз был живым существом, то способность видеть была бы его душою, потому что эта способность есть отвлеченная сущность глаза, а

самый глаз только материя зрения, с уничтожением которого он перестает быть глазом в собственном смысле, а остается им только по имени, как, например, глаз каменный или нарисованный. Сказанное относительно частей тела нужно приложить к целому живому телу, потому что отношение частного ощущения к части тела сходно с отношением всей совокупности ощущений ко всему ощущающему телу, как такому.

О мышлении

Теперь нужно сказать, должна ли одна [и та же] наука или различные иметь дело с положениями, которые в математике носят название аксиом, с одной стороны, и с сущностью — с другой. Конечно, ясно, что и рассмотрение [таких] аксиом составляет [вместе с рассмотрением сущности] предмет одной науки, а именно той, которою занимается философ; ибо аксиомы эти имеют силу для всего существующего, а не специально для одного какого-нибудь рода отдельно от всех других.

[...]Про каждую вещь мы думаем, что ее знаем безусловно...когда мы думаем, что знаем причину, в силу которой [данная] вещь есть, [следовательно], что она причина ее и что это не может обстоять иначе. ... Знаем [предмет] также и посредством доказательства. Доказательством же я называю силлогизм, который дает знание. А [силлогизмом], который дает знание, я называю такой, посредством которого мы [вещь] знаем потому, что мы его имеем. Поэтому, если знание понять так, как мы приняли, то необходимо, чтобы и доказывающая наука основывалась на [положениях] истинных, первичных, непосредственных, более известных и предшествующих [доказываемому] и на причинах, [в силу которых выводится] заключение. ... Ибо знать то, для чего имеется доказательство, и не случайным образом, — это и значит иметь доказательство.

...Началом же доказательства является непосредственная посылка, а непосредственной является такая, которой не предшествует никакая другая. Посылка же есть одна из частей высказывания, в котором нечто одно приписывается другому. Диалектическая [посылка] есть та, которая одинаково берет одну из двух [частей противоречия]; доказывающая — которая одну [из них] определенно берет за истинную. Высказывание же есть та или другая часть противоречия, а противоречие — такое противоположение, которое само по себе не имеет ничего среднего. Та из частей противоречия, которая что-то приписывает чему-то, есть утверждение, та же [часть], которая что-то устраняет [от чего-то], — отрицание. Из непосредственных силлогистических начал тезисом, или положением, я называю то, которое нельзя доказать и которое тому, кто будет что-нибудь изучать, не необходимо иметь. То [положение], которое необходимо иметь тому, кто будет что-нибудь изучать, я называю аксиомой; некоторые такие [положения], конечно, имеются, и к ним главным образом мы обыкновенно и применяем это обозначение.

О врожденности познавательных способностей

Однако можно сомневаться... появляются ли способности [познавания], не будучи врожденными, или, будучи врожденными, остаются [сначала] скрытыми [для нас]? Если бы мы их уже имели, то это было бы нелепо, ибо [тогда] оказалось бы, что для тех, которые имеют более точные знания, чем доказательство, эти [знания] остались бы скрытыми. Если же мы приобретаем эти способности, не имея их раньше, то как мы можем познавать и научиться [чему-нибудь], не имея предшествующего познания? Это ведь невозможно, как мы уже сказали по поводу доказательства. Очевидно поэтому, что нельзя иметь [эти способности заранее], и невозможно, чтобы они возникли у незнающих и не наделенных никакой способностью. Поэтому необходимо обладать некоторой возможностью, однако не такой, которая превосходила бы эти [способности] в отношении точности. Но такая возможность, очевидно, присуща всем живым существам. В самом деле, они обладают прирожденной способностью разбираться, которая называется чувственным восприятием. Если же чувственное восприятие [присуще], то у одних живых существ что-то остается от чувственно воспринятого, а у других не остается. ... Таким образом, из чувственного восприятия возникает, как мы говорим, [некоторая] способность помнить. Из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт. Из опыта же или из всего общего, сохраняющегося в душе, [то есть] из чего-то помимо многого, что содержится как тождественное во всех [вещах], берут свое начало навыки и наука. Таким образом, ясно, что первичное нам необходимо познавать посредством индукции, ибо таким [именно] образом восприятие порождает общее. Так как из способностей мыслить, обладая которыми мы познаем истину, одними всегда постигается истина, — а другие ведут также к ошибкам (например, мнение и рассуждение), истину же всегда дают наука и ум, то и никакой другой род [познавания], кроме ума, не является более точным, чем наука.

Об аффектах, способностях и добродетели

Душевные движения бывает тройкого рода: аффекты (*pathe*), способности (*dynameis*) и приобретенные свойства (*hexeis*). Добродетель должна относиться к одной из этих групп.

Аффектами я называю страсть, гнев, страх, отвагу, зависть, радость, дружбу, ненависть, желание, ревность, сожаление — одним словом, все то, чему сопутствует удовольствие или страдание.

Под способностями я разумею то, что содержит в себе причину, в силу которой мы имеем эти аффекты, например в силу чего мы способны испытывать гнев, или печаль, или сожаление.

Приобретенными же свойствами души я называю то, в силу чего мы верно или дурно относимся к аффектам, например к гневу: если мы слишком отдаемся ему или слишком мало отдаемся ему, то мы поступаем дурно; если же придерживаемся середины, то хорошо, и подобным образом относительно

других аффектов. Аффекты не суть ни добродетели, ни пороки, ибо ведь мы не в силу наших аффектов называемся хорошими и дурными...

Добродетель же касается аффектов и действий, в которых излишек — ошибка, недостаток порицается, середина же похваляется и достигает цели; то и другое суть признаки добродетели. Итак, добродетель есть известного рода середина, поскольку она стремится к среднему.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст] : В 4-х т. — Т.1. Философия древности и средневековья. — Ч.1. / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — С. 453-462.

СТОИКИ

Стоицизм — одно из основных философских направлений эллинистическо-римского периода истории античной философии. Основатель школы (в Афинах) — Зенон из Кития (ок. 336—264 до н. э.), его преемники — Клеанф (ок. 331—232) и главный литературный представитель школы — Хрисипп (ок. 277—208) вместе с рядом своих учеников и современников составляют так называемую древнюю Стою.

О мироздании

Диоген Лаэртский VII. (132) Стоики считают, что мироздание преходяще, так как оно было порождено подобно вещам, познаваемым чувствами. И то, части чего преходящи, преходяще как целое. Части же мироздания преходящи: ведь одни превращаются в другие; следовательно, преходяще и мироздание. Все, что может измениться к худшему, преходяще; следовательно, и мироздание: ведь оно и сгущается, и разжижается. Природу стоики иногда представляют как нечто скрепляющее все мироздание, а иногда как нечто порождающее все земное.

... Все происходит по велению судьбы, как говорят Хрисипп в книгах о судьбе, Посидоний во второй книге о судьбе, Зенон, а также Боэт в первой книге о судьбе. Судьба — это непрерывная [цепь] причин сущего или разум, согласно которому управляется мироздание.

Об ощущениях и разуме

Диоген Лаэртский: По мнению стоиков, ощущение — это пневма, которая исходит от управляющей силы [души] и простирается на чувства, а также постижение с помощью чувств и устройство органов чувств, коего некоторым людям недостает. Действие [органов чувств] стоики называют ощущением. По их мнению, постижение происходит или через ощущение, как, например, [постижение] белого и черного, шероховатого и гладкого, или посредством разума, как, например, [постижение] того, что выведено на основании доказательства, например, что боги существуют и что они осуществляют провидение.

Стоики говорят, что высшая часть души — управляющая часть, создающая представления, [логическое] приятие, чувства, влечения; ее они и называют способностью рассуждения. От этой управляющей части происходит семь [других] частей души, распространяющихся по телу наподобие щупалец осьминога. Пять из этих семи частей души составляют чувства: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Зрение — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до глаз; слух — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до ушей; обоняние — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до носа; вкус — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до языка; осязание — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до поверхности [вещей], которых можно коснуться чувствами. Из остальных частей одна называется воспроизводящей, она пневма, распространяющаяся от управляющей части до детородных органов. Другая часть — это то, что Зенон называет голосом, она пневма, распространяющаяся от управляющей части до горла, языка и других органов речи. Управляющая часть помещается, словно в мироздании, в нашей шарообразной голове.

О частях души

Псевдо-Плутарх: Стоики говорят, что душа состоит из восьми частей: пять чувств — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание; шестая часть — голос; седьмая — воспроизводительная часть; восьмая — управляющая, которая распоряжается всеми остальными и пользуется своими орудиями, как осьминог щупальцами.

О добродетелях человека

Диоген Лаэртский: Существуют четыре вида прекрасного: справедливость, мужество, умеренность, благоразумие. Соответственно существуют четыре вида безобразного: несправедливость, трусость, неумеренность, неразумие...

Вопросы для самопроверки по разделу 1:

1. Что представляет собой душа (атман) человека в Упанишадах? Из чего он состоит и как связан с Брахманом-атманом?
2. В чем состоит сущность йоги согласно Упанишатам? Почему необходим аскетизм для развития добродетельной души?
3. Какие два вида знания существуют согласно Упанишатам?
4. Объясните, как проявляется панпсихизм во взглядах Фалеса. Как связана душа человека с божественным умом во взглядах Фалеса?
5. Как проявляются элементы диалектики во взглядах Анаксимена?
6. В каких высказываниях Гераклита проявляется его диалектический подход к пониманию природы и человека?

7. Какие два способа познания выдвинул Гераклит? Как развивалась эта мысль во взглядах более поздних античных философов?
8. Какое значение, по Гераклиту, имеет познание с помощью органов чувств? Есть ли противоречие в его высказываниях по этому вопросу?
9. Кто из античных философов впервые выдвинул мысль о бессмертии души?
10. Кто из античных философов впервые назвал человека самым разумным из животных?
11. Поясните мысль Протагора о том, что человек есть мера всех вещей.
12. Кто является создателем атомистической теории в античной философии? Из чего при этом состоит душа?
13. В чем причина ощущений согласно взглядам Демокрита? Эпикура?
14. Каковы части души во взглядах Демокрита?
15. Что представляет собой душа человека согласно взглядам Эпикура?
16. Поясните мысль Эпикура об удовольствии как о том, к чему должен стремиться человек? Означало ли это культ наслаждений и вседозволенности?
17. Что представляют собой идеи во взглядах Платона? Как соотносятся с ними реальные предметы?
18. Поясните, почему человеческое знание о действительности является, согласно взглядам Платона, ограниченным? Как можно достигать истинного знания?
19. Какие части души выделял Платон? Эпикур?
20. Что представляет собой энтелехия предметов согласно взглядам Аристотеля? Как Вы понимаете его мысль о том, что душа есть энтелехия тела? Обладают ли душой растения и животные?
21. Как происходит процесс мышления по Аристотелю? Какова при этом роль логических выводов, высказываний и доказательств?
22. Какие части души выделяли стоики?

Раздел 2

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аврелий Августин

(354—430)

Виднейший теолог и философ западнохристианской церкви. Родился в Северной Африке, в г. Тагасте (на территории современного Алжира), в семье небогатого римского чиновника. Учился в местной школе, а затем в школе риторики в Карфагене. Одно время примыкал к распространенному

тогда движению манихеев и в 383 г. приехал в Рим, где возглавил школу риторики. Разочаровавшись затем в манихействе, увлекся скептицизмом. Переехав затем в Медиолан (Милан), Августин сблизился с христианскими кругами, группировавшимися вокруг епископа Амвросия, весьма влиятельного в то время деятеля западно-христианской церкви. В 387 г. он принимает христианство и становится его крупнейшим теоретиком, писателем и публицистом. Возвратившись на родину в следующем году, он становится здесь одним из наиболее активных деятелей христианской церкви, неумолимым врагом и гонителем многочисленных «еретиков», отступников от ее официальной доктрины. В 396 г. стал епископом и оставался им до конца жизни. Для выявления теолого-философского мировоззрения Августина огромное значение имеют его произведения «Исповедь» (400 г.) и «О граде божьем» (413—426 гг.). Все эти, как и другие, произведения Августина, написанные на латинском языке, сыграли огромную роль в философском развитии средневековой Западной Европы, ибо они вплоть до XII—XIII вв. оставались здесь главным источником философской мудрости. Ниже приведены отрывки из произведений Августина – «О количестве души», «О бессмертии души», «О граде божьем» и др.

Авторитет и разум как два способа познания

К изучению наук ведет нас двоякий путь – авторитет и разум. По отношению ко времени первенствует авторитет, а по отношению к существу дела — разум. Ибо первое предпочитается, когда нужно располагать, а другое наиболее ценится при достижении. ... для всех желающих учиться великому и сокровенному дверью к этому служит лишь авторитет... Авторитет же бывает частью божественный, частью человеческий; но истинный, прочный и высший авторитет тот, который называется божественным... (О порядке 11,9).

Иное дело, когда мы верим авторитету, и иное — когда разуму. Вера в авторитет весьма сокращает дело и не требует никакого труда. Если она тебе нравится, ты можешь прочитать много такого, что об этих предметах написали, как бы из снисхождения, великие и божественные мужи, находя это необходимым для пользы простейших, и в чем они требовали веры к себе со стороны тех, для чьих душ, более тупоумных или более занятых житейскими делами, другого средства к спасению быть не могло. ... Если ты считаешь это безопаснее, я не только не возражаю против этого, а даже весьма одобряю. Но если ты не можешь обуздать в себе того страстного желания, под влиянием которого решился дойти до истины путем разума, ты должен терпеливо выносить многие и длинные околичные пути, чтобы вел тебя тот разум, который один только должен быть называем разумом, т. е. разум истинный, и не только истинный, но и точный и чуждый всякого подобия ложности (если только, возможно для человека каким-либо образом достигнуть этого... (О количестве души VII). Всякий, кто сознает себя сомневающимся, сознает нечто истинное и уверен в том, что в данном случае сознает,

следовательно, уверен в истинном. Отсюда всякий, кто сомневается в существовании истины, в самом себе имеет нечто истинное, на основании чего он не должен сомневаться, ибо все истинное бывает истинным не иначе как от истины. Итак, тот не должен сомневаться относительно истины, кто почему бы то ни было мог сомневаться. В ком видим мы такое [сомнение], там действует свет, не ограничивающийся пространством и временем и свободный от всякого призрака этих условий (Об истинной религии XXXIX).

Самое врачевание души, совершаемое божественным промыслом и неизреченным милосердием, по своей постепенности и раздельности в высшей степени прекрасно. Оно распадается на авторитет и разум. Авторитет требует веры и подготавливает человека к разуму. Разум в свою очередь приводит его к пониманию и знанию. Хотя и разум не оставляет совершенно авторитета, как скоро заходит речь о том, чему должно верить, само собою понятно, что познанная и уясненная истина служит высшим авторитетом (Об истинной религии XXIV).

Познание разумом как приобщение к бытию божьему

Разум есть взор души, которым она сама собою, без посредства тела, созерцает истинное... Все, что мы созерцаем, мы схватываем мыслью или чувством и разумением. Но то, что мы схватываем чувством, мы чувствуем существующим вне нас и заключенным в пространстве, из которого оно не может быть изъято... (О бессмертии души, б).

Когда я доискивался, на чем основываются одобрительные отзывы мои о красоте тел, небесных или земных, и что вообще руководит меня давать решительные приговоры о подлежащих изменениям предметах, ... то дошел до того, что над своим умом, тоже подверженным изменению, находил неизменную и вечную истину.

И доходил я до того постепенно: я восходил от тел к душе чувственной, которая посредством телесных чувств ощущает внешний чувственный мир, а отсюда к ее внутренней силе, которой внешние ощущения приносят весть о внешнем мире, насколько может вместить это душа животных; затем еще выше и выше возносился к мыслящей и разумной силе, которая уже судит о полученных ею впечатлениях. Наконец, мой разум, также изменяющийся, сознавая, что все неизменное лучше изменяющегося, отрешался в мышлении своем от привычных образов и призраков и стремился найти истинный свет, чтобы с помощью его познать самое бытие неизменяющееся... Так я разумною силою души своей достигал и достиг этого бытия верховного в минуты трепетного воззрения... И тогда-то я уразумел, как Твое невидимое существо становится видимым в творении твоём. Но слабый взор мой все еще не мог выдерживать величия Твоего света, так что я, ниспадая с этой высоты в обычное состояние свое, ничего не выносил с собою, кроме приятного воспоминания, при котором как бы желал насладиться хотя запахом той пищи, которой не мог вкушать... (Исповедь, VII, 17).

Старайся дознать, что такое высшее согласие: вне себя не выходи, а

сосредоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке; найдешь свою природу изменчивую — стань выше самого себя. Поэтому стремись туда, откуда возжигается самый свет разума.....тебе навстречу идет свет, конечно не солнца, а свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в сей мир. Этот свет невозможно видеть телесными глазами... (Иоан. I, 9).

О душе человека

Душа же человеческая посредством разума и знания, о которых у нас речь и которые несравненно превосходнее чувств, возвышается, насколько может, над телом и охотнее наслаждается тем удовольствием, которое внутри ее; а чем более вдается в чувства, тем более делает человека похожим на скота (О количестве души XXVIII).

Не существует ли, спросил я, и для души своей пищи? Представляется ли вам пищею души знание? — Совершенно так... я полагаю, что душа питается не иным чем, как разумением вещей и знанием... (О жизни блаженной II).

Когда мы умозаключаем, то это бывает делом души. Ибо это дело лишь того, что мыслит; тело же не мыслит; да и душа мыслит без помощи тела, потому что, когда мыслит, отвлекается от тела. Притом то, что мыслится, есть таково всегда; телесное же ничто не бывает таковым же всегда; поэтому тело не может помогать душе в ее стремлении к пониманию, так как для него довольно, если оно не мешает (О бессмертии души, 1).

Тело человеческое подлежит изменениям, а разум неизменен. Ибо изменчиво все, что не существует всегда одинаковым образом (О бессмертии души, 2).

Разум есть взор души, которым она сама собою, без посредства тела, созерцает истинное; или он есть то самое созерцание истинного без посредства тела, или он есть то самое истинное, которое созерцается... Все, что мы созерцаем, мы схватываем мыслью или чувством и разумением. Но то, что мы схватываем чувством, мы чувствуем существующим вне нас и заключенным в пространстве, из которого оно не может быть изъято... (О бессмертии души, 6).

Пока душа нераздельна от разума и тесно соединена с ним, она неизбежно должна оставаться жить. Но какая же сила может отделить ее? Уж не телесная ли, которая и могуществом слабее, и происхождением ниже, и по свойству своему весьма отлична? Никоим образом. Следовательно, одушевленная? Но и это каким образом?.. Но если сила разума в силу единения своего известным образом действует на душу — а не действовать она не может, — то, без всякого сомнения, действует в том смысле, что дает ей продолжать существование. В силу того он и есть именно разум, что в нем предполагается высшая неизменность... Итак, душа угаснуть не может, если не будет отделена от разума. Отделиться же, как мы доказали выше, она не может. Следовательно, она не может и умереть (О бессмертии души, 6).

Из самого источника истины исходит некое увещание, побуждающее нас

памятовать о боге, искать его и страстно, без всякой брезгливости жаждать его. Это озарение нашим внутренним очам исходит от одного таинственного солнца. Все то истинное, что говорим мы, от него, даже и в том случае, когда мы еще боимся смело пользоваться и смотреть на все своими или нездоровыми, или только открывшимися глазами (О жизни блаженной IV).

Два пути человека

...существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы, следуя Писаниям своим, справедливо можем называть двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода *по плоти*; другой — из желающих жить также *по духу*. Когда каждый из них достигает своего желанья, каждый в мире своего рода и живет. Итак, два града созданы двумя родами любви: земной — любовью к себе, доведенною до презрения к богу, а небесный — любовью к себе, доведенною до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе, последний — в господе (О граде божием XIV, 1).

Пока живем мы в этом теле, мы решительно должны избегать этого чувственного и всячески остерегаться, чтобы липкостью его не склеились наши крылья, которым нужно быть вполне свободными и совершенными, чтобы мы могли воспарить к оному свету из этой тьмы... (Монологи I, 14).

Не тем человек сделался похожим на дьявола, что имеет плоть, которой дьявол не имеет, а тем, что живет сам по себе, т. е. по человеку. Ибо и дьявол захотел жить сам по себе, когда не устоял во истине; так что стал говорить ложь *от своих*, а не от божьих — стал не только лживым, но и отцом лжи (Иоан. VIII, 44).

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.2. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С. 582-605.

Псевдо-Дионисий

Ареопагитиками принято называть четыре произведения — «Об именах божьих», «Таинственное богословие», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии» — и десять писем, написанных на греческом языке во второй половине V в. Эти произведения были впервые предъявлены на Константинопольском церковном соборе в 532 г. и подписаны именем Дионисия Ареопагита, полумифического сподвижника апостола Павла и первого епископа Афин, якобы жившего в I в. Такое почтенное авторство, как и содержание этих произведений, снабдило их священным ореолом и сыграло огромную роль в их последующей канонизации христианской церковью. Такое почтенное авторство, как и содержание этих произведений, снабдило их священным ореолом и сыграло огромную роль в их последующей канонизации христианской церковью. Только в эпоху

Возрождения гуманисты Лоренцо Балла и Эразм Роттердамский, подвергнув данные произведения критическому анализу, установили зависимость их от неоплатоновского круга идей и невозможность того, чтобы их автором был христианский деятель первого столетия, живший задолго до возникновения неоплатонизма. Их автора стали именовать Псевдо-Дионисием Ареопагитом. В последние десятилетия ряд авторов пришли к выводу о том, что автором всех этих произведений был грузинский философ Петр Ивер (412 г.—488 г.), в молодости обучавшийся философии в Константинополе.

Основная особенность этих произведений состоит в приспособлении идей неоплатонизма к осмыслению христианского вероучения. Важнейшая из таких идей — это теология, исходящая из аналогии между миром реальных предметов, и в особенности человеческих существ, и богом как внеприродной личностью, их верховным и единственным творцом, абсолютно непознаваемым, сугубо таинственным существом. Теология Псевдо-Дионисия оказала колоссальное влияние на религиозно-философскую мысль христианства. Ниже приведены отрывки из произведения «Об именах божиих».

О Боге

Итак, как бы там ни было, теперь приступим к рассмотрению имени благого, которым богословы отвлеченно именуют пребожественное божество, называя богоначальное бытие благим, чтобы, как мне кажется, отделяя его от всего существующего, [выразить], что благо, будучи благим по существу, самым своим существованием распространяет благодать на все существующее. Ибо как наше солнце не рассуждает или предпочтительно выбирает, но в силу самого своего существования освещает все, что в меру своих сил способно приобщиться к его свету, так и благо, которое превосходит солнце, подобно тому как запредельный образ превосходит слабое свое изображение, проливает [его] на все существующее в меру его восприимчивости. Ими же питаются все умопостигаемые и разумные сущности, силы и энергии; благодаря им существует и обладает неисчерпаемой и неизменной жизнью все, что свободно от всякого тления и смерти, материальности и становления, превратности и текучести и от непостоянства разнообразных изменений. И в качестве бесплотных и духовных они умопостигаются; сами же, как умы, они сверхъестественно постигают, ибо благодаря просвещению они познают смысл (логосы) всего существующего, а с другой стороны, передают сродным духам свое знание. Они пребывают в благодати и в ней находят свое утверждение, связь, питание и защиту своих благ.

О душах живых существ

Сами души со всеми присущими им благами существуют в силу преблагой благодати...

Также и растения [черпают] из благого свое жизненное начало, которое их питает и приводит в движение. И даже неодушевленные и безжизненные

естества существуют благодаря благому и через него получают в удел соответственный способ существования.

Все превосходящая божественнейшая благодать простирается от самых высоких и значительнейших сущностей вплоть до самых последних, оставаясь все-таки превыше их всех; ни высшие не достигают ее совершенства, ни низшие не выпадают из ее предела: она проливает свет на все могущее быть освещенным, зиждет, оживляет, сохраняет, совершенствует, является мерой всего сущего, [его] постоянством, числом, порядком, объемом, причиной и целью...

Более того, она содействует зарождению чувственных тел, двигает их жизни, питает, растит, совершенствует, очищает и обновляет их... И подобно тому как благодать обращает все к себе и, будучи единоначалием и единотворящим божеством, собирает воедино то, что разрознено таким образом, что все к нему как к началу, связи и цели устремляется;... к нему все обращается как к своему пределу и его все вождедеет: разумные и словесные [существа] — путем познания, чувственные же — путем ощущений, тогда как существа, лишённые чувств, — путем естественных движений жизненных порывов и, наконец, безжизненные и только лишь существующие вещи — посредством простой пригодности к участию в существовании, так же именно и свет, будучи проявленным образом [благого], сводит и обращает к себе все существующее, зрящее, им движимое, освещаемое и согреваемое — [одним словом], все, что объято его сияниями.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. — Т.1. Философия древности и средневековья. — Ч.2. / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — С. 611-620.

Фома Аквинский

(1225-1274)

Самый видный и влиятельный философ-схоластик западноевропейского средневековья. После смерти ему был присвоен титул «ангельский доктор», а в 1323 г. решением папской курии Фома был причислен к лику святых римско-католической церкви. Родился в семье графа Ландольфа, видного итальянского феодала, близ местечка Аквино в Неаполитанском королевстве. Учился в монастыре бенедиктинцев, затем в Неаполитанском университете. В 1244 г. вступил в орден доминиканцев. В следующем году отправился в Парижский университет, тогдашний центр католической мысли. Четыре года провел также в Кёльнском университете). По окончании Парижского университета преподавал там теологию и написал ряд теологических трудов и комментариев к Священному писанию. В 1259—1268 гг. Фома находился в Риме при папском дворе, где он закончил начатое еще в Париже сочинение «Сумма против язычников» (называемое также «Философской суммой»), трактовавшее философию Аристотеля в духе католического вероучения. Вернувшись в 1259 г. в Парижский университет, Фома вел здесь полемику против консервативных католических теологов, желавших по-прежнему придерживаться только

принципов августинизма. Упорно работал над главным своим теолого-философским произведением «Сумма теологии», которое окончил в 1273 г. в Неаполе, в университете которого он преподавал с 1272 г. Ниже приводятся отрывки из произведения «Сумма теологии».

О мироздании и творце

Поскольку мир возник не случайным образом, но сотворен богом через посредство активного интеллекта, как то будет показано ниже, необходимо, чтобы в божественном уме была форма, по подобию которой сотворен мир. А в этом и состоит понятие «идеи» ... Бог есть первопричина всех вещей как их образец. ...все природные порождения следуют определенным формам. ...в божественной премудрости пребывают предначертания всех вещей, каковые мы называли идеями или образцовыми формами в уме бога. ...

Каждая вещь, составленная из материи и формы, есть тело. Действительно, материя не может принимать различные формы иначе как в различных своих частях.

...познание самого субстанциального бытия свойственно лишь интеллекту бога и превышает возможности какого бы то ни было сотворенного интеллекта, ибо никакое творение не есть свое собственное бытие, но участвует в бытии. Итак, сотворенный интеллект не может созерцать бога в его сущности, кроме как в меру того, что бог по своей милости соединяется с сотворенным интеллектом, как предмет, открытый разуму.

О душе человека

При исследовании природы души необходимо иметь в виду: душой называют первичное начало жизни во всем живущем в нашем мире, так что мы именуем живые существа одушевленными, а мертвые вещи — неодушевленными. Жизнь же обнаруживается преимущественно в двух родах деятельности, т. е. в познании и в движении. В качестве первоначала этих явлений древние философы, не сумев пойти дальше представления, полагали некоторое тело ...однако никакое тело не может быть первичным началом жизни. ...душа, которая есть первое начало жизни, есть не тело, но акт тела, подобно тому как тепло, которое есть начало разогревания, есть не тело, но некоторый акт тела.

В человеке чувственная, умопостигающая и вегетативная души совпадают. ...в мировом распорядке вещей одушевленное совершеннее неодушевленного, животные совершеннее растений, а люди — животных, и в пределах каждого из этих видов выделяются различные ступени. Подобным же образом умопостигающая душа виртуально содержит в себе все, чем обладают и чувственная душа животного, и вегетативная душа растения.

...есть некоторые отправления души, которые осуществляются без помощи телесных органов: таковы мышление и воление. И потому потенции, составляющие начала этих отправлений, имеют своим субстратом души.

Однако есть и такие акты души, которые осуществляются через телесный орган, как-то: зрение — через глаз, а слух — через ухо. И таким образом обстоит дело *со всеми отправлениями чувственной и вегетативной частей души. И потому потенции, составляющие начала этих отправлений, имеют своим субстратом составленную из души и тела сущность, а не одну только душу.*

*Потенций, принадлежащих вегетативной душе, всего три. ... Во-первых, это то действие, через которое тело приобретает бытие: и таково назначение *рождающей потенции*. Далее, это то действие, через которое живое тело приобретает должный объем: и таково назначение *силы роста*. Наконец, это то действовать, через которое тело живущего сберегается и в своем бытии, и в своем должном объеме: и это есть *сила питания*.*

...нет надобности допускать существование каких-либо внутренних способностей *чувственной части души* сверх следующих четырех: общее чувство, воображение, способность суждения, способность памяти.

О двух познавательных способностях души

Но душа имеет две возможности познания. Первая состоит в акте некоторого телесного органа; ей свойственно распространяться на вещи постольку, поскольку они даны в прошедшей индивидуации материи; отсюда ощущение познает лишь, единичное. Вторая познавательная возможность души есть интеллект, который не есть акт какого-либо телесного органа. Отсюда через интеллект нам свойственно познавать сущности, которые, правда, обретают бытие лишь в прошедшей индивидуации материи, но познаются не постольку, поскольку даны в материи, но поскольку абстрагированы от нее через интеллектуальное созерцание.

О чувственном познании

По закону своей природы человек приходит к умопостигаемому через чувственное... Наше естественное познание берет свое начало от ощущения. Отсюда следует, что наше естественное познание может простирается до тех пределов, до которых им руководит чувственное восприятие.

Чувственное восприятие не схватывает сущности вещей, но только их внешние акциденции. Равным образом и представление схватывает всего лишь подобия тел. Лишь один интеллект схватывает сущность вещей.

Ввиду того что чувственное ощущение есть некоторое действие человека, хотя и несобственное, очевидно, что человек есть не одна только душа, но нечто составленное из души и тела.

Об интеллектуальном познании

Истинное, как было сказано, в своем исходном смысле находится в интеллекте. ...интеллект, поскольку он познает, истинен в меру того, насколько он имеет подобие познанного предмета... И потому истина определяется как согласованность между интеллектом и вещью. ... Интеллект ... в состоянии познать свою согласованность с постигаемой вещью... И делает он это, слагая и разделяя. Ибо во всяком суждении он либо прилагает к некоторой вещи, обозначенной через субъект, некоторую форму, обозначенную через предикат, либо же отнимает у нее эту форму.

...умопостигаемый образ в нашем интеллекте есть подобие вещи в соответствии с родовым естеством, которое может быть усвоено бесчисленным множеством частных вещей. Так, наш интеллект через интеллектуальный образ человека познает некоторым образом бесконечное множество людей, но не в тех различиях, которые они имеют между собой, а лишь к объединяющем их родовом естестве.

Начало интеллектуальной деятельности, которое мы именуем человеческой душой, есть некоторое бестелесное и самосущее начало. Ведь очевидно, что через посредство интеллекта человек способен познавать природы всех тел. ...если бы интеллектуальное начало имело в себе природу некоего тела, оно оказалось бы неспособным познавать прочие тела. ...Следовательно, невозможно, чтобы интеллектуальное начало было телом.

Равным образом невозможно и то, чтобы интеллектуальная деятельность осуществлялась через телесный орган, ибо в таком случае определенная природа этого органа воспрепятствовала бы познанию всех тел...

Необходимо сказать, что интеллект, который есть начало, интеллектуального действия, есть форма человеческого тела.

Исходя из предварительных предпосылок необходимо признать, что интеллект есть некоторая потенция души, а не сама сущность последней. ... *только в божестве интеллект есть его сущность; во всех прочих умопостигающих существах интеллект есть некоторая потенция умопостигающего лица.*

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.2. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С. 824-862.

Уильям Оккам

(ок. 1300 -1349)

Знаменитый английский схоластик, самый видный представитель так называемого позднего номинализма. До 1324 г. Оккам учился и преподавал в Оксфордском университете. Привлеченный к суду папской курии по обвинению в ереси, провел четыре года в заключении в Авиньоне. Бежав оттуда в Мюнхен к императору Людвигу Баварскому, ведущему борьбу с папой, написал здесь большинство своих произведений, в которых выступал

против приоритета церкви над государством. Оккам считается ранним предшественником Реформации.

Об универсалиях и единичных предметах

...под «единичным» понимается здесь не все то, что имеется в единственном числе, ибо в этом смысле любая вещь единична, а лишь то, что имеется в единственном числе и не есть естественный или установленный по воле [человека] или по [его] желанию знак, общий для многих [вещей]. Таким образом, ни написанное слово, ни понятие, ни произнесенное слово, обозначающее [что-то], не единичны. Единично только то, что не есть общий знак.

Следовательно, мы должны сказать, что любая универсалия есть некая единичная вещь и универсалия она только благодаря тому, что она есть обозначение, поскольку она знак многих вещей... Хотя для многих очевидно, что универсалия не есть какая-нибудь субстанция, существующая вне души в отдельных [вещах] и реально отделенная от них, однако некоторые считают, что универсалия каким-то образом существует вне души в отдельных [вещах] и отделена от них, правда не реально, а формально. Но это мнение вообще кажется мне недоказуемым...

...разум, видящий некую вещь вне души, создает в уме подобный ей образ так, что если бы он в такой же степени обладал способностью производить, в какой он обладает способностью создавать образы, то он произвел бы внешнюю вещь в субъектном бытии, лишь численно отличающуюся от предыдущей. Дело обстоит совершенно так же, как бывает с мастером. В самом деле, так же как мастер, видя дом или какое-нибудь строение вне [души], создает в свой душе образ подобного ему дома, а затем строит подобный ему дом вовне, который лишь численно отличается от предыдущего, так и в нашем случае образ, созданный в уме на основании того, что мы видели внешнюю вещь, есть образец... И сей [образ] можно назвать универсалией, ибо он образец и одинаково относится ко всем единичным внешним вещам и ввиду этого сходства в объектном бытии может замещать вещи, которые обладают сходным бытием вне разума. Таким образом, в этом смысле универсалия такова не первично, а получается через абстрагирование, которое есть не что иное, как некий вид создания образов...

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.1. Философия древности и средневековья. – Ч.2. / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – С.891-907.

Вопросы для самопроверки по разделу 2:

1. В чем суть авторитета как источника познания по Аврелию Августину? Как соотносятся познание с помощью авторитета и познание с помощью разума?

2. Как характеризуется Бог в работах средневековых философов? Сравните со взглядами античных философов.
3. Что представляет собой душа человека по Аврелию Августину?
4. Как происходит разумное познание истины по Аврелию Августину? Сравните с пониманием разума в античной философии, например, во взглядах Аристотеля.
5. Какие два пути человека выделяет Аврелий Августин?
6. Что представляет собой душа человека по Псевдо-Дионисию? Как она может познавать Бога?
7. Как мысль Платона об идеях продолжена во взглядах Фомы Аквинского?
8. Что представляет собой активный интеллект Бога во взглядах Фомы Аквинского?
9. Что представляет собой душа человека по Фоме Аквинскому? Какие виды души соединены в душе человека?
10. Какие отправления души выделяет Фома Аквинский? Каковы познавательные способности души? Как связаны разум и душа?
11. Какие виды познания выделяет Фома Аквинский?
12. Каковы возможности интеллектуального познания во взглядах Фомы Аквинского? Как Вы понимаете его мысль о том, что интеллект есть форма человеческого тела? К кому из философов античности восходит эта мысль?
13. Поясните суть номинализма, опираясь на взгляды У. Оккама. Что представляют собой универсалии? Как они соотносятся с единичными предметами?
14. В чем состоят, на Ваш взгляд, ключевые различия во взглядах на суть человека и познавательные возможности души между средневековыми и античными философами?

Раздел 3

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Николай Кузанский

(1401-1464)

Настоящая фамилия Кребс, прозван Кузанским по месту своего рождения в селении Куза в Южной Германии) — теолог, философ и крупный ученый своего века (особенно в области математики, астрономии и географии). Учился в

Гейдельбергском, Падуанском и Кельнском университетах. В 1430 г. стал священнослужителем, а в 1448 г. был назначен кардиналом римско-католической церкви и стал одним из виднейших ее руководителей. Вместе с тем Кузанец был близок гуманистической культуре, дружен с Лоренцо Балла и другими гуманистами. Написал большое количество богословских и философских произведений. Важнейшими из них являются: трактат «Об ученом незнании» (1440), состоящий из трех книг, вслед за которым было написано небольшое произведение «О предположениях». Затем последовали «Об искании бога», «Апология ученого незнания» (1449), четыре диалога, объединенных общим названием «Простец» (1450. Ниже приводятся отрывки из произведения «Об ученом незнании».

О Боге и душе мира

Бог заключает в себе все в том смысле, что все — в нем; он является развитием всего в том, что сам он — во всем.... Душа мира должна рассматриваться как универсальная форма, заключающая в себе все формы, существующая в действительности в вещах лишь ограниченно и являющаяся в любой вещи ограниченной формой вещи, как было сказано выше о Вселенной.... Один бог абсолютен, все остальные существа ограничены... Один только бог есть душа и разум мира в той мере, в какой душе представляется как нечто абсолютное, в чем действительно находятся все формы вещей. ...Бог пользовался при сотворении мира арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией, всеми искусствами, которые мы также применяем, когда исследуем соотношение вещей, элементов и движений. При помощи арифметики бог сделал из мира одно целое. При помощи геометрии он образовал вещи так, что они стали иметь форму, устойчивость и подвижность в зависимости от своих условий. При помощи музыки он придал вещам такие пропорции, чтобы в земле было столько земли, сколько воды в воде, сколько воздуха в воздухе и огня в огне. Он сделал так, чтобы ни один элемент не мог раствориться полностью в другом, откуда вытекает, что машина мира не может износиться и погибнуть.... Земля, говорит Платон, подобна животному: у нее камни являются костями, реки — венами, деревья — шерстью, а живые организмы, питающиеся в последней, подобны насекомым, находящимся в шерсти животных.

Бог существует только как абсолют и, так сказать, является абсолютным всепожирающим огнем и абсолютным светом,... и свет этот скрытно и проникновено... пребывает в умственной жизни живущих.

Никогда не существовало ни одной нации, которая не чтит бы бога и не признавала бы его за абсолютный максимум.

О человеке

Не представляется возможным найти более благородную и более совершенную породу, чем разумная порода, населяющая землю как собственную область. И это даже в том случае, если на других звездах имеются

жители иного рода. Человек не желает, в действительности, другой природы, другой натуры, но старается быть совершенным в своей, ему присущей. ... Человеческая природа — такая природа, которая была помещена над всеми творениями бога и лишь немного ниже ангелов. Она заключает в себе умственную и чувственную природу и стягивает в себе всю Вселенную: она есть микрокосм, малый мир, как называли ее с полным основанием древние. Она такова, что, будучи возведена в соединение с максимальностью, становится полнотой всех всеобщих и отдельных совершенств таким образом, что в человечестве все возведено в высшую степень.

Человеческая природа есть вписанный в круг многоугольник, а круг — божественная природа...

Ограниченность добродетелей человека

Разум, простирая свой полет, видит, что, если бы даже чувственность подчинялась во всем рассудку и отказывала в послушании страстям, которые ей духовно родственны, все равно человек не мог бы сам по себе достигнуть конца своих умственных и вечных влечений, ибо человек рожден от семени Адама в вожделении плоти, действием, в котором животное чувство, сообразно необходимости распространения вида, преобладает над духовностью.

Природа его сама по себе, погруженная корнями своего происхождения в сладости плоти, благодаря которым человек рождается от своего отца и начинает существовать, остается коренным образом бессильной преодолеть временные вещи, чтобы охватить духовное.

Вот почему если бремя наслаждений плоти обольщает рассудок и разум до того, что они согласны не противиться этим движениям, то ясно, что человек, таким образом обольщенный и отвратившийся от бога, целиком лишен радости высшего блага, которое для разума заключено в духовных и вечных вещах.

Если, напротив, рассудок господствует над чувственной природой, то надо, чтобы еще и разум господствовал над рассудком для того, дабы человек, сверх своего рассудка, благодаря вере прилепился к посреднику и бог мог бы присоединить его к славе своей.

О чувствах, рассудке и разуме

Несомненно, что человек образован из чувства и разума, связанных посредством рассудка, служащего для них посредником.

В порядке вещей чувство подчинено рассудку, который, в свою очередь, подчинен разуму. Разум не принадлежит ни времени, ни миру, от которого он абсолютно независим. Чувство принадлежит миру, будучи подчинено времени и движению.

Рассудок как бы находится на горизонте в отношении разума и как бы лежит пред глазами в отношении чувства. В нем совпадают вещи, которые существуют над временем и под ним.

[...] Животное не воспринимает того, что есть в боге, ибо бог — дух и больше того, и в силу этого чувственное познание погружено во тьму незнания вечных

вещей. Оно возбуждается плотию и направлено к желаниям, в силу своего похотливого вожделения. Оно не способно оттолкнуть эти желания в силу своей пылкой страсти. Но рассудок, обладающий по своей природе возвышенной силой, возможностью через свою причастность к природе разума, заключает в себе некоторые законы, благодаря которым он упорядочивает, как ведущее начало, даже самые страстные вожделения и приводит их к мере из боязни, чтобы человек, полагая свою цель в чувственных вещах, не лишился таким образом духовных стремлений разума.

Чувственное познание

Чувство не способно воспринимать вещи сверхвременные и духовные. Познание через чувственность является сокращенным, ограниченным познанием, ибо ощущение касается только частного. Познание умственное всеобщее, потому что, по сравнению с познанием через чувственность, оно существует безусловно и лишено частной ограниченности...

О разуме и познании истины

Мы видим, что по божьей милости все в природе содержит в себе самопроизвольное стремление существовать лучше, поскольку это допускают естественные условия.... Здоровый и свободный разум, стремящийся ненасытно, в силу врожденного ему искания, постигнуть истину, познает ее, крепко охватывая любовными объятиями.

Разум так же близок к истине, как многоугольник к кругу; ибо, чем больше число углов вписанного многоугольника, тем более он приблизится к кругу, но никогда не станет равным кругу даже в том случае, когда углы будут умножены до бесконечности, если только он не станет тождественным кругу.

Итак, ясно одно, что все, что мы знаем об истине, — это то, что истину невозможно постигнуть таковой, какова она есть доподлинно, ибо истина, являющаяся абсолютной необходимостью, не может быть ни большей, ни меньшей, чем она есть и чем представляется нашему разуму как некая возможность. Итак, сущность вещей, которая есть истина бытия, недостижима в своей чистоте. Все философы искали эту истину, но никто ее не нашел, какой она есть, и, чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы подойдем к самой истине.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.54-73.

Лоренцо Балла

(1406 -1457)

Знаменитый итальянский гуманист, филолог, историк и философ. Преподавал риторику в Университете Павии, затем в Милане, Генуе,

Флоренции и Неаполе. Служил также секретарем арагонского короля Альфонса V. Одно время был обвинен церковью в ереси за его антиклерикальную деятельность. Однако в конце жизни, при папе Николае V, симпатизировавшем гуманистам, при римской курии. Из философских работ Валлы наиболее известны трактаты «О наслаждении, как об истинном благе» (1431) и «Диалектические опровержения против аристотеликов» (1439). Первый трактат представляет собой диспут, где основными оппонентами выступают стоик, эпикуреец и христианин. Взгляды Валлы выражает эпикуреец, который в новых условиях формулирует принципы эпикурейской морали. Ниже приведен отрывок из этого произведения.

О бессмысленности самопожертвования

Ты, [Катон], привел много примеров. Поскольку каждый из них в отдельности мне нет смысла опровергать, нужно сразу заметить следующее: что бы ни делали те, которых ты перечислил, они делали это ради одного наслаждения, и этого даже ты не смог бы опровергнуть. Чтобы укрепить эту основу, скажу, что роду живых существ ничего так не выделено природой, как сохранять свою жизнь и тело и уклоняться от того, что покажется вредным. Ничто более не сохраняет жизнь, чем наслаждение с помощью органов вкуса, зрения, слуха, обоняния, осязания, без чего мы не можем жить, без добродетели же можем. Так что, если кто-то жесток и несправедлив по отношению к любому из чувств, он действует вопреки природе и вопреки своей пользе.

Ты выдвигаешь славные и блестящие понятия — «спасение», «свобода», «величие» и не объясняешь их смысла для меня после моей смерти. Только ведь, умирая, я не получу обещанного; дадут ли мне то же самое, чего я лишусь, и оставляет ли что-то себе тот, кто идет на смерть? Но разве смерть этих людей, скажешь ты, не помогла родине и разве спасение родины не является благом?... Хорошо! Ты говоришь верно, и я с тобой согласен. Но зачем тогда так проповедовать и возносить к звездам добродетель, которая добывает то, из чего более всего состоит наслаждение? А те, кто действовал мужественно? [Ты скажешь], что родина была спасена и достигла процветания. Но помогли ли они спасению и процветанию родины, если сами исключены из наслаждения этими благами? О глупые ...храбрейшие мужи! Благодаря вашей божественной добродетели вы только то и приобрели, что приняли смерть, лишив себя обманном путем того, что является наградой за мужество и труды... вы добровольно стремитесь к смерти, чтобы не погибли другие, которые, оставленные вами для жизни, со своей стороны даже не считают должным для себя ради вашего достоинства претерпеть трудности... Но я скорее должен спасти себя, чем сто тысяч других. Для меня самого моя жизнь большее благо, чем жизнь всех остальных... И вообще я сказал бы: что может быть выдуманно более извращенное, чем счесть кого-то более дорогим тебе, чем ты сам.

Чувства как побудитель добрых поступков

Не может быть такого, чтобы люди, за исключением глубоко несчастных и привыкших к злодеяниям, не радовались благу другого человека и, более того, сами не были причиной его радости, например, спасши его от нужды, пожара, кораблекрушения, плена. На основании ежедневной практики надо научиться радоваться благам других людей и всеми силами постараться, чтобы они нас полюбили. Это случится только тогда, если мы их полюбим и будем стремиться оказать им большие услуги, если мы пренебрежем этим, то никогда не сможем вести жизнь с радостью.

О наслаждении и пользе

Но пора воздать наконец похвалу наслаждению.... Ведь не только законы (о них я говорил выше) созданы для пользы, которая рождает наслаждение, но также города и государства, где, если говорить об управлении, государя, правителя или короля никогда не избирают люди, если не в ожидании себе высшей пользы. Зачем упоминать столь многочисленные искусства (кроме свободных), которые или удовлетворяют необходимые потребности, или украшают жизнь, например агрикультуру..., архитектуру, ткачество, живопись, корабельное дело, ваяние, изготовление пурпура? Разве в любом из этих искусств создается что-либо из любви к добродетели? И разве такие свободные искусства, как искусства чисел, меры, пения, рождает что-то, связанное с добродетелью? А медицина, занимаясь которой не стремятся ни к чему другому, кроме здоровья других людей... и собственной выгоды? ... А из-за чего другого, скажи, возникла дружба, столь восхваляемая во все века и у всех народов, если не из-за взаимных услуг, как, например, давать и принимать то, что требует общая польза, если не из-за радости говорить, слушать и делать вместе другие вещи? ... А что сказать об учителях и учениках? Наставники не могут относиться к ученикам с любовью, если не надеются, благодаря им, добыть себе выгоды или приумножить свою славу. Сами же ученики обычно не уважают наставников, если узнали хвастунов вместо ученых, придир вместо обходительных, из чего первое относится к пользе, второе к наслаждению. Пойдем далее, к самому важному. Даже родителей и детей связывает цепь пользы и наслаждения.... Еще менее сомнений должно быть в отношении мужа и жены, братьев и сестер. Сам брак, как соединение мужчины и женщины, рожден, по-видимому, из обоюдного наслаждения. И когда нужно что-то сделать для родителей, детей, родственников или прочих людей по совести и усердию, даем совет: не взывать к добродетели, как считают некоторые, а попытаться возбудить чувство.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.78-84.

Леонардо да Винчи (1452 г.—1519 г.)

Великий итальянский художник, инженер и философ. Сын нотариуса и

крестьянки. Работал в качестве живописца, скульптора и инженера во Флоренции, Милане, Риме и во Франции, где и умер. Как ученый и в особенности инженер сделал ряд замечательных открытий, на несколько веков опередивших его эпоху. Философско-методологические идеи, обобщавшие научно-инженерную и художническую деятельность Леонардо, содержатся в его многочисленных записках и манускриптах, полностью не восстановленных и до настоящего времени. Ниже приведены ряд афоризмов Леонардо и отрывки из его произведения «Об истинной и ложной науке».

Опыт как основа научного познания

Пусты и полны заблуждений те науки, которые не порождены опытом, отцом всякой достоверности, и не завершаются в наглядном опыте, т. е. те науки, начало, середина или конец которых не проходят ни через одно из пяти чувств. И если мы подвергаем сомнению достоверность всякой ощущаемой вещи, тем более должны мы подвергать сомнению то, что восстает против ощущений, каковы, например, вопросы о сущности бога и души и тому подобные, по поводу которых всегда спорят и сражаются. И поистине, всегда там, где недостает разумных доводов, там их заменяет крик, чего не случается с вещами достоверными. Вот почему мы скажем, что там, где кричат, там истинной науки нет...

Астрономия и другие науки невозможны без деятельности рук, хотя первоначально они и начинаются в мысли, подобно живописи, которая сначала существует в мысли своего созерцателя и без деятельности рук не может достичь своего совершенства.

Все наше познание начинается с ощущений. Опыт никогда не ошибается, ошибаются только суждения ваши, которые ждут от него вещей, не находящихся в его власти. Несправедливо жалуются люди на опыт, с величайшими упреками виня его в обманчивости. Оставьте его в покое и обратите свои жалобы на собственное невежество, которое заставляет вас быть поспешными и, ожидая от опыта в суетных и вздорных желаниях вещей, которые не в его власти, говорить, что он обманчив!

Природа полна бесчисленных причин, которые никогда не были в опыте.

Необходимость — наставник и опекун природы. Необходимость — тема и изобретательница природы, и узда, и вечный закон.

Мудрость есть дочь опыта.

Ни одно человеческое исследование не может называться истинной наукой, если оно не прошло через математические доказательства. И если ты скажешь, что науки, начинающиеся и кончающиеся в мысли, обладают истиной, то в этом нельзя с тобой согласиться, а следует отвергнуть это по многим причинам, и прежде всего потому, что в таких чисто мысленных рассуждениях не участвует опыт, без которого нет никакой достоверности.

Глаз, называемый окном души, есть главный путь, благодаря которому общее чувство может в наибольшем богатстве и великолепии созерцать бесконечные

произведения природы. А ухо — второй путь; оно становится благородным посредством повествования о вещах, видимых глазом.

Разве ты не видишь, что глаз охватывает красоту всего мира? Он является начальником астрономии (astrologia), он создает космографию, именно он дает советы всем человеческим искусствам и исправляет их. Он движет человека в различные части мира, он — государь математических наук, его науки — достовернейшие. Глаз измерил высоту и величину светил, он открыл стихии и их расположение. Он дал возможность прорицать грядущее по течению светил, он породил архитектуру, перспективу и божественную живопись. О превосходнейший из всех вещей, созданных богом! Какие хвалы могут выразить твое благородство? Какие народы, какие языки способны вполне описать твои подлинные действия? Глаз есть окно человеческого тела, чрез которое он глядит на свой путь и наслаждается красотой мира. Благодаря ему душа радуется в своей человеческой темнице, без него эта человеческая темница — пытка. Благодаря ему человеческая изобретательность открыла огонь, посредством которого глаз вновь обретает то, что раньше отнимал у него мрак. Глаз украсил природу возделанными нивами и садами, полными отрады.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.85-88.

Вопросы для самопроверки по разделу 3:

1. Что нового при характеристике Бога по сравнению со взглядами средневековых философов Вы видите во взглядах Николая Кузанского? Что роднит его со средневековыми философами в этом вопросе.
2. Прокомментируйте мысль Николая Кузанского о том, что человек есть микрокосм. Как оценивает Николай Кузанский человека? Проясните противоречивость его взглядов.
3. Поясните соотношение чувств, разума и рассудка в душе человека по Николаю Кузанскому.
4. Насколько возможно познание истины с помощью разума по Николаю Кузанскому?
5. В чем Вы видите прогрессивное значение отказа от самопожертвования во взглядах Л. Баллы? Что тогда может стать побудителем альтруистических поступков?
6. В чем значение наслаждения во взглядах Л. Баллы? Сравните эту позицию со взглядами Эпикура.
7. Каково значение опытного познания во взглядах Л. да Винчи? Какие науки, по его мнению, могут называться настоящими науками?

8. Каково значение чувственного познания во взглядах Л. да Винчи? Сравните эту позицию со взглядами античных и средневековых философов.

Раздел 4

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Фрэнсис Бэкон (1561—1626)

Великий английский философ-материалист, политический деятель и писатель. Отец его, Николай Бэкон, был лордом-хранителем печати. Окончил Кембриджский университет. В 1584 г. был избран в парламент. С 1617 г. стал лордом-хранителем печати при короле Якове I, затем лорд-канцлер, барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский. В 1621 г. по настоянию парламентской оппозиции Бэкон был привлечен к суду по обвинению во взяточничестве, осужден и отстранен от всех должностей. Вскоре был помилован королем, но на государственную службу не вернулся, полностью посвятив себя научной и литературной работе (которой он занимался и в предшествующий период). Уже в молодые годы философ вынашивал грандиозный план «Великого Восстановления наук», к реализации которого стремился всю жизнь. Она была предложена Бэконом уже в его труде «О преуспевании знания» (1605), а затем в дальнейшем была доработана, расширена и издана под названием «О достоинстве и усовершенствовании наук» (1623). Главное произведение Бэкона — его знаменитое методологическое сочинение «Новый органон» (1620). Ниже представлены отрывки из произведения «Новый органон».

Об ошибках традиционной логики

I. Человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в порядке природы делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может.

XII. Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению ошибок, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна.

XIV. Силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова суть знаки понятий. Поэтому если сами понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них. Поэтому единственная надежда — в истинной индукции.

XV. В понятиях нет ничего здравого, ни в логике, ни в физике. Субстанция, качество, действие, страдание, даже бытие не являются

хорошими понятиями. Еще менее того — понятия тяжелого, легкого, густого, разреженного, влажного, сухого, порождения, разложения, притяжения, отталкивания, элемента, материи, формы и прочее такого же рода. Все они вымышлены и плохо определены.

О препятствиях на пути истинного познания

XXXIX. Есть четыре вида призраков, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучить их, мы дали им названия. Назовем первый вид призраков *призраками рода*, второй — *призраками пещеры*, третий — *призраками рынка* и четвертый — *призраками театра*.

XLI. Призраки рода находят основание в самой природе человека... Ибо ложно утверждать, что чувство человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума относятся к человеку, а не к миру. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде,

XLII. Призраки пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая разбивает и искажает свет природы. Происходит это или от особых природенных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется.

XLIII. Существуют еще призраки, которые проистекают как бы из взаимной связанности и сообщества людей. Эти призраки мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, *призраками рынка*. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

XLIV. Существуют наконец призраки, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем *призраками театра*, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых и изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры...

LXXXIX. Нельзя упускать и то, что во все века естественная философия встречала докучливого и тягостного противника, а именно суеверие и слепое, неумеренное религиозное рвение.

XLIX. Человеческий разум не холодный свет, его питают воля и чувства; а это порождает желательное каждому в науке. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает... Бесконечным числом способов, иногда незаметных, чувство пятнает и портит разум.

L. Но в наибольшей степени помехи и ошибки человеческого ума происходят от косности, несостоятельности и обмана чувств.

Об индуктивном методе познания

XIX. Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный.

XXII. Оба этих пути исходят из ощущений и частных и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частных, другой надлежащим образом задерживается на них. Один сразу же устанавливает некие общности, отвлеченные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более близко природе.

XXIV. никоим образом не может быть, чтобы аксиомы, установленные рассуждением, были пригодны для открытия новых дел, ибо тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждений.

XL. Построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, недлинное средство для того, чтобы отвратить и удалить призраки.

XCV. Те, кто занимались науками, были или эмпириками или догматиками. Эмпирики подобно муравью только собирают и пользуются собранным. Рационалисты подобно пауку из самих себя создают ткань. Пчела же избирает средний способ, она извлекает материал из цветов сада и поля, но располагает и изменяет его собственным умением. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей (то есть опыта и рассудка).

GIV. Не следует все же допускать, чтобы разум перескакивал от частных к отдаленным и почти самым общим аксиомам (каковы так называемые начала наук и вещей) и по их непоколебимой истинности испытывал бы и устанавливал средние аксиомы. Так было до сих пор: разум склоняется к этому не только естественным побуждением, но и потому, что он уже давно приучен к этому доказательствами через силлогизм. Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не разверстым и перемежающимся ступеням — от частных к меньшим аксиомам и затем — к средним, одна выше другой, и наконец к самым общим. Ибо самые низкие аксиомы немногим отличаются от голого опыта. Высшие же и самые общие аксиомы (какие у нас имеются) умозрачительны и отвлеченны, и у них нет ничего твердого. Средние же аксиомы истинны, тверды и жизненны, от них

зависят человеческие дела и судьбы. А над ними наконец расположены наиболее общие аксиомы, не отвлеченные, но правильно ограниченные этими средними аксиомами.

О значении опыта в познании мира

LXX. Самое лучшее из всех доказательств есть опыт.

II. Голая рука и предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны не меньше разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.193-218.

Рене Декарт (1596—1650)

Великий французский философ и ученый-естествоиспытатель. Родился в дворянской семье, учился в привилегированном учебном заведении — иезуитской коллегии Ла Флеш. По окончании ее служил в армии, принимавшей участие в Тридцатилетней войне в Германии. После ухода с военной службы продолжал интенсивно заниматься математикой и осмыслением методологии научно-философского знания. Для успеха своей работы вскоре переселился в Нидерланды, где с небольшими перерывами прожил двадцать лет, предаваясь уединенным научным занятиям.

Ниже приведены фрагменты из главных произведений Р. Декарта: «Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках», «Метафизические размышления», «Начала философии», «Правила для руководства ума».

О сущности человека, о мышлении и сомнении

Неразумные животные, которые должны заботиться только о своем теле, непрерывно и заняты лишь поисками пищи для него; для человека же, главную часть которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи — мудрости. (Начала философии, предисловие).

Я, строго говоря, только мыслящая вещь, то есть дух (esprit), или душа, или разум (entendement), или рассудок (raison) (Метафизические размышления).

О том, что для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько

это возможно, поставить все под сомнение. Так как мы были детьми, раньше чем стать взрослыми, и составили относительно предметов, представлявшихся нашим чувствам, разные суждения, как правильные, так и неправильные, прежде чем достигли полного обладания нашим разумом, то некоторые опрометчивые суждения отвращают нас от истинного познания (Начала философии, часть 1, 1).

О том, что нельзя сомневаться не существуя и что это есть первое достоверное познание, какое возможно приобрести. Отбросив, таким образом, все то, в чем так или иначе мы можем сомневаться, и даже предполагая все это ложным, мы легко допустим, что нет ни бога, ни неба, ни земли и что даже у нас самих нет тела, но мы все-таки не можем предположить, что мы не существуем, в то время как сомневаемся в истинности всех этих вещей. Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение *я мыслю, следовательно, я существую* истинно и что оно поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли (Начала философии, часть 1, 7).

Под словом «мышление» (*cogitatio*) я разумею все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает здесь то же самое, что мыслить (Начала философии, часть 1, 9).

О том, что мы яснее можем познать нашу душу, чем наше тело... Мы тем лучше познаем вещь, или субстанцию, чем больше отмечаем в ней свойств. А мы, конечно, относительно нашей души отмечаем их много больше, чем относительно чего-либо иного... (Начала философии, часть 1, 11).

О том, что у нас лишь два вида мыслей, а именно восприятие разумом и действие воли. Без сомнения, все виды мыслительной деятельности ..., отмечаемые нами у себя, могут быть отнесены к двум основным: один из них состоит в восприятии разумом, другой — в определении волей. Итак, чувствовать, воображать, даже постигать чисто интеллектуальные вещи — все это лишь различные виды восприятия, тогда как желать, испытывать отвращение, утверждать, отрицать, сомневаться — различные виды воления (Начала философии, часть 1, 32).

Наряду с рассудком для суждения требуется и воля. Признаю, что мы ни о чем не можем судить без участия нашего рассудка, ибо нет оснований полагать, чтобы наша воля определялась тем, чего наш рассудок никоим образом не воспринимает. Но так как совершенно необходима воля, чтобы мы дали наше согласие на то, чего мы никак не восприняли, и так как для вынесения суждения, как такового, нет необходимости в том, чтобы мы имели

полное и совершенное познание, то мы часто соглашаемся со многим таким, что познали вовсе не ясно, а смутно (Начала философии, часть 1, 34).

Воля обширнее разума — отсюда и проистекают наши заблуждения (Начала философии, часть 1, 35).

Свобода нашей воли постигается без доказательств, одним нашим внутренним опытом. [...] То, что мы обладаем свободой воли и что последняя по своему выбору может со многим соглашаться или не соглашаться, ясно настолько, что должно рассматриваться как одно из первых и наиболее общих врожденных нам понятий (Начала философии, часть 1, 39).

О познании мира при помощи ощущений и чувств

По каким основаниям нам достоверно известно о существовании тел. Прежде всего внутренним опытом мы познаем, что все осязаемое нами, несомненно, проистекает в нас от какой-либо вещи, отличной от нашей души; ибо не в нашей власти сделать так, чтобы одно ощущать предпочтительно перед другим; это зависит от вещи, возбуждающей наши чувства (Начала философии, часть 2, 1) . Отсюда также следует, что для своего существования тело ... обладающая протяженностью субстанция (Начала философии, часть 2, 4). Легко также понять, что невозможно существование каких-либо атомов, то есть частей материи, неделимых по своей природе ... среди них нет ни одной, которую нельзя было бы разделить на две или несколько еще более мелких; отсюда и следует, что она делима (Начала философии, часть 2, 20).

Что такое ясное и отчетливое восприятие... Ясным я называю такое восприятие, которое очевидно и имеется налицо для внимательного ума, подобно тому как мы говорим, что ясно видим предметы, имеющиеся налицо и с достаточной силой действующие, когда глаза наши расположены их видеть. Отчетливым же я называю восприятие, которое настолько отлично от всего остального, что содержит только ясно представляющееся тому, кто надлежащим образом его рассматривает (Начала философии, часть 1, 45).

Что такое чувство и каким образом мы чувствуем. Поэтому следует заметить, что хотя человеческая душа и объединена со всем телом, основные свои функции, однако, она выполняет в мозгу. При посредстве мозга она не только постигает и воображает, но и ощущает; последнее происходит при помощи нервов, которые наподобие тончайших нитей тянутся от мозга ко всем частям прочих членов тела, причем связаны с ними так, что нельзя прикоснуться почти ни к какой части человеческого тела, чтобы тем самым оконечности нервов не пришли в движение и чтобы это движение не передалось посредством упомянутого нерва до самого мозга, где находится объединяющее чувствилище (sens commun) [...]. Движения, передаваемые таким образом нервами, доходят до того места в мозгу, с которым наша душа тесно связана и сплетена, и внушает ей различные мысли в зависимости от

различия самих движений. И эти-то различные возбуждения ума или мысли, вытекающие непосредственно из движений, возбуждаемых через посредство нервов в нашем мозгу, и именуются ощущениями или, иначе, восприятиями наших чувств (Начала философии, часть 4, 189).

Сколько имеется различных чувств и какие из них внутренние, иначе говоря, побуждения и страсти. Следует также иметь в виду, что все разновидности этих ощущений зависят, во-первых, от различия самих нервов, а затем и от различия движений в каждом нерве; однако мы не обладаем столькими отдельными чувствами, сколько имеем отдельных нервов. Различить возможно лишь семь отдельных чувств: два из них могут быть названы внутренними, а остальные пять — внешними. Первое из внутренних чувств включает голод, жажду и прочие естественные побуждения; оно возбуждается в душе движениями нервов желудка, глотки и прочих частей, предназначенных для удовлетворения естественных отправлений, к которым мы испытываем такого рода влечение. Второе же внутреннее чувство зависит преимущественно от тонкого нерва, идущего к сердцу, а также от нервов диафрагмы и других внутренних частей; в чувство это входят радость, печаль, любовь, гнев и все прочие страсти.... Другие же движения этих нервов заставляют душу испытывать иные страсти, как любовь, гнев, страх, ненависть и т. д., поскольку они лишь аффекты, или страсти, души, то есть смутные мысли, приходящие душе не самой по себе, а оттого, что, будучи тесно связана с телом, она воспринимает происходящие в нем движения. Ибо существует большая разница между этими страстями и знаниями, или отчетливыми мыслями, какие мы имеем о том, что должно любить или ненавидеть или чего следует опасаться, хотя они часто и совпадают между собой (Начала философии, часть 4, 190).

Наши чувства не передают нам природу вещей, а лишь научают нас тому, чем они нам могут быть полезны или вредны. Для нас достаточно будет заметить, что воспринимаемое посредством чувств относится только к тесному союзу человеческого тела с душой; что хотя они обычно сообщают нам, в чем внешне тела могут быть нам вредны или полезны, однако только изредка и случайно наши чувства передают нам, какова природа этих тел самих по себе (Начала философии, часть 2, 3) .

О познании мира с помощью мышления

Все, что подлежит нашему восприятию, я делю на два разряда: в первый входят вещи, имеющие некое существование, во второй — истины, которые вне нашего мышления — ничто. Касательно вещей мы имеем прежде всего некоторые общие понятия, относящиеся ко всем им, а именно понятия, какие мы имеем о субстанции, длительности, порядке, числе, и, пожалуй, еще некоторые другие. Далее, мы имеем понятия более частные, служащие для различения их.

Истины подобным образом перечислить нельзя, в чем, впрочем, и нет

надобности (Начала философии, 48-49) .

Метод необходим для отыскания истины. [...] Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода, ибо совершенно несомненно то, что подобные беспорядочные занятия и темные мудрствования помрачают естественный свет и ослепляют ум ... (Правила для руководства ума, IV).

Мы приходим к познанию вещей двумя путями, а именно путем опыта и дедукции. Кроме того, заметим, что опыт часто вводит нас в заблуждение, тогда как дедукция, или чистое умозаключение об одной вещи через посредство другой, если и может быть упущено, когда его нельзя усмотреть, то никогда не может быть плохо построено, даже и у умов, весьма мало привычных к мышлению. [...] Действительно, все заблуждения, в которые впадают люди, — я не говорю о животных — никогда не проистекают из плохо построенного вывода, но всегда имеют своей причиной то, что люди исходят именно из плохо понятых фактов или из поспешных и необоснованных суждений (Правила для руководства ума, II).

Вместо большого количества правил, образующих логику, я счел достаточным твердое и непоколебимое соблюдение четырех следующих.

Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению.

Второе — делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего их преодоления.

Третье — придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

И последнее — составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений (Рассуждение о методе для хорошего и направления разума и отыскания истины в науках).

Об общих понятиях

Универсалии [общие понятия] образуются в силу только того, что мы пользуемся одним и тем же понятием, чтобы мыслить о нескольких отдельных вещах, сходных между собой. И тогда, когда мы обнимаем одним названием вещи, обозначаемые этим понятием, название также универсально. Так же и число, рассматриваемое вообще, а не в отношении к каким-либо сотворенным вещам, подобно всем прочим общим понятиям, известным под названием универсалий, не существует вне нашего мышления (Начала философии, 58-59) .

Об интуиции

Под *интуицией* я разумею не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим... Может возникнуть сомнение, для чего мы добавляем к интуиции еще и этот другой способ познания, заключающийся в *дедукции*, посредством которой мы познаем все, что необходимо выводится из чего-либо достоверно известного. Это нужно было сделать потому, что есть много вещей, которые хотя и не являются самоочевидными, но доступны достоверному познанию, если только они выводятся из верных и понятных принципов путем последовательного и нигде не прерывающегося движения мысли при зоркой интуиции каждого отдельного положения. Подобно этому мы узнаем, что последнее кольцо длинной цепи соединено с первым, хотя мы и не можем охватить одним взглядом все находящиеся между ними кольца, которые обуславливают это соединение, лишь бы мы последовательно проследили их и вспомнили, что каждое из них, от первого до последнего, соединено с соседним. Итак, мы различаем здесь интуицию ума (*mentis intuitus*) от правильной дедукции в том отношении, что под дедукцией подразумевается именно движение или последовательность, чего нет в интуиции; кроме того, дедукция не нуждается в наличной очевидности, как интуиция ... (Правила для руководства ума, III).

О постижении существования бога

О том, что существование бога доказуемо одним тем, что необходимость бытия, или существования, заключена в понятии, какое мы имеем о нем. Далее, когда душа, рассматривая различные идеи и понятия, существующие в ней, обнаруживает среди них идею о существе всеведущем, всемогущем и высшего совершенства, то по тому, что она видит в этой идее, она легко заключает о существовании бога... (Начала философии, 14)

Познав указанным здесь способом существование бога, можно познать все его атрибуты, поскольку они познаваемы одним естественным светом. [...] Он вечен, всеведущ, всемогущ, источник всякого блага и истины, творец всех вещей, имеет, наконец, в себе все то, в чем мы можем признать что-либо бесконечно совершенное или не ограниченное каким-либо несовершенством.

Бог не телесен, не познает подобно нам посредством чувств, он не создал греха. [...] У бога чувств нет [...] он понимает и волит, хотя не так, как мы, то есть посредством актов, известным образом отдельных. Он понимает, волит и совершает все, то есть все действительные вещи, постоянно одним и тем же простейшим актом. Он не волит греховного зла, так как оно есть ничто (Начала философии, 22-23).

Проблема психофизического параллелизма

От описаний тел неодушевленных и растений я перешел к описанию животных и особенно людей. Но, так как я не имел еще достаточных познаний, ... я ограничился предположением, что бог создал тело человека вполне подобным нашему как по внешнему виду его членов, так и по внутреннему строению его органов, образовав его из той же самой материи, какую я описал, и не вложив в него вначале ни разумной души, ничего другого, что могло бы служить для него растительной или чувствующей душой... После этого я описал разумную душу и показал, что она никоим образом не может быть продуктом материальной силы наподобие других вещей, о которых я говорил, но что она непременно должна быть сотворена; и недостаточно, чтобы она находилась в теле человека, как кормчий на своем корабле, хотя бы лишь затем, чтобы двигать его члены, а необходимо, чтобы она была с ним теснее связана и соединена, чтобы иметь, кроме того, чувствования и желания, подобные нашим, и, таким образом, составить настоящего человека.

Животные – живые автоматы

При помощи тех же двух средств можно познать также различие, существующее между людьми и животными. Ибо весьма замечательно, что нет на свете людей столь тупых и столь глупых, не исключая и безумных, чтобы они были не способны связать вместе различные слова и составить из них речь, передающую их мысли, и, напротив, нет другого животного, как бы оно ни было совершенно и как бы ни было счастливо одарено от рождения, которое сделало бы нечто подобное. Это происходит не от недостатка органов, ибо мы видим, что сороки и попугаи могут произносить слова так же, как и мы, и тем не менее не могут говорить, как мы, то есть свидетельствуя, что они думают то, что говорят...

Чрезвычайно достопримечательно и то, что, хотя некоторые животные и проявляют в иных своих действиях больше ловкости, чем мы, однако мы видим, что те же животные вовсе не проявляют ловкости во многих других действиях. Таким образом, то обстоятельство, что они порою искуснее нас, не доказывает наличия у них ума, так как в этом случае они были бы умнее любого из нас и лучше делали бы все остальное. Скорее это свидетельствует о том, что ума у них вовсе нет, и что природа действует здесь сообразно расположению их органов: видим же мы, что часы, состоящие только из колес и пружин, могут отсчитывать и измерять время вернее, чем мы со всем нашим умом.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.232-292.

Томас Гоббс

(1588—1679)

Великий английский философ и политический мыслитель. Родился в семье

сельского священника. Учился в Оксфордском университете. В дальнейшем стал воспитателем в одном из аристократических семейств, что позволило философу установить связи с правящими придворными кругами Англии. Совершил несколько поездок на Европейский континент, прожив здесь (особенно в Париже) в общей сложности около 20 лет. Глубоко изучил достижения континентальной науки и философии, был лично знаком с Галилеем, Декартом. События начавшейся в 1640 г. английской буржуазной революции вынудили Гоббса покинуть Англию и пополнить ряды роялистской эмиграции в Париже. Эти же события заострили его интерес к осмыслению общественно-политической проблематики и заставили в 1642 г. выпустить сочинение «О гражданине» (на латинском языке), которое по общему замыслу философской системы Гоббса составляет ее третью часть. Все более расходясь с роялистской эмиграцией, в которой большую роль играли клерикальные круги, философ вернулся в Англию, где в эти годы правил лорд-протектор Кромвель, с которым он сотрудничал по некоторым вопросам. В 1651 г. с соизволения Кромвеля в Лондоне появилось самое большое философско-социологическое произведение Гоббса — «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (на английском языке), продолжавшее антиклерикальные идеи «О гражданине» и задуманное как оправдание диктатуры Кромвеля.

Ниже приведены отрывки из самого большого философско-социологического произведения Т. Гоббса — «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

О познании с помощью ощущений и чувств

Что касается человеческих мыслей, то я буду их рассматривать сначала *раздельно*, а затем в их связи или взаимной зависимости. Взятые *раздельно*, каждая из них есть *представление* или *призрак* какого-либо качества или другой акциденции тела вне нас, называемого обычно *объектом*. Объект действует на глаза, уши и другие части человеческого тела и в зависимости от разнообразия своих действий производит разнообразные призраки.

Начало всех призраков есть то, что мы называем *ощущением* (ибо нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах *ощущения*). Все остальное есть производное от него. Причиной ощущения является внешнее тело, или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно, как это бывает при вкусе и осязании, или опосредованно, как при зрении, слухе и обонянии. Это давление, продолженное внутрь посредством нервов и других волокон и перепонки тела до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление, или обратное давление, или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, то оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это *кажущееся*, или этот *призрак*, люди называют *ощущением*. В отношении глаза это есть ощущение *света* или

определенного *цвета*, в отношении уха — ощущение *звука*, в отношении ноздрей — ощущение *запаха*, в отношении языка и нёба — ощущение *вкуса*, а для всего остального тела — ощущение *жары, холода, твердости, мягкости* и других качеств, которые мы различаем при помощи *чувства*. ... Однако во всех университетах христианского мира философы-схоласты, основываясь на некоторых текстах Аристотеля, учат другой доктрине. В отношении причины *зрения* они говорят, что видимая вещь посылает во все стороны *visible-species*, что по-английски означает *призрак, аспект* или *видимое видение*, проникновение которого в глаз есть *зрение*. А в отношении причины *слуха* они говорят, что слышимая вещь посылает *audible species*, т. е. *слышимый аспект*, или *слышимое видение*, проникновение которого в ухо производит слух. Более того, в отношении причины *понимания* они также говорят, что понимаемая вещь посылает *intelligible species*, т. е. *умственное видение*, проникновение которого в рассудок производит наше понимание.

О представлении, воображении и памяти

... после того как объект удален или глаза закрыты, мы все еще удерживаем образ виденной вещи, хотя и более смутно, чем когда мы ее видим. Именно это римляне называют *imagination* [воображение] от образа, полученного при зрении, применяя это слово, хотя и неправильно, ко всем другим ощущениям.

Это *ослабленное ощущение*, как я сказал, мы называем *представлением*, когда желаем обозначить саму вещь (я разумею вообразить саму ее). Но когда мы желаем выразить факт *ослабления* и обозначить, что ощущение поблекло, устарело и отошло в прошлое, мы называем его *памятью*.

Таким образом, представление и память обозначают одну и ту же вещь, которая лишь в зависимости от различного ее рассмотрения имеет разные названия.

Воспоминания, или память о многих вещах, называются *опытом*.

О мышлении и речи

Представление, которое вызывается в человеке (или в каком-нибудь другом существе, одаренном способностью иметь представления) словами или другими произвольными знаками, есть то, что мы обычно называем *пониманием*, и оно обще и человеку, и животному.

Под *последовательностью* или связью мыслей я понимаю то следование мыслей друг за другом, которое называют (в отличие от речи, выраженной словами) *мысленной речью*.

Общее употребление речи состоит в том, чтобы перевести нашу мысленную речь в словесную, или связь наших мыслей — в связь слов. Польза от этого двоякая. Первая — это регистрация хода мыслей. Так как мысли имеют склонность ускользать из нашей памяти, заставляя нас, таким образом, возобновлять весь процесс их формирования, заново, то ускользнувшие мысли могут быть снова вызваны в памяти при помощи тех слов, которыми они были обозначены. Первое применение имен состоит,

таким образом, в том, что они служат *метками* для воспоминания. Второе — в том, что многие люди, пользующиеся одними и теми же словами, обозначают (при помощи их связи и порядка) друг другу свои понятия или мысли о каждой вещи, а "также свои желания, опасения или другие чувства.

Когда человек *рассуждает*, он лишь образует в уме итоговую сумму путем *сложения* частей или остаток путем *вычитания* одной суммы из другой, или, что то же, если это делается при помощи слов, образует имя целого из соединения имен всех частей или от имени целого и одной части образует имя другой части.

Эти операции свойственны не только числам, а всякого рода вещам, которые могут быть сложены одна с другой или вычтены одна из другой. Ибо если арифметика учит нас сложению и вычитанию *чисел*, то геометрия учит нас тем же операциям в отношении *линий, фигур* (объемных и плоских), *углов, пропорций, времен*, степени *скорости, силы, мощности* и т. п. Логика учит нас тому же самому в отношении *последовательности слов*, складывая вместе два *имени*, чтобы образовать *суждение*, и два *суждения*, чтобы образовать *силлогизм*, и *много силлогизмов*, чтобы составить *доказательство*.

...очевидно, что способность к рассуждению не есть нечто врожденное подобно ощущению и памяти, а также не нечто приобретенное одним лишь опытом подобно благоразумию, а что она приобретается прилежанием: прежде всего, в подходящем употреблении имен, во-вторых, в усвоении хорошего и правильного метода, который состоит в продвижении вперед от элементов, каковыми являются имена, к суждениям, образованным путем соединения имен между собой, и отсюда к силлогизмам, которые суть связи одного суждения с другим, пока мы доходим до знания всех связей имен, относящихся к интересующей нас теме, именно это и называют люди *научным знанием*. Между тем как ощущение и память дают нам лишь знание факта, являющегося вещью прошлой и непреложной, наука есть знание связей и зависимостей фактов.

О способностях человека

Соответственно двум основным частям, из которых состоит человек, я различаю в нем два вида способностей — физические и духовные. Так как задача настоящего труда не предполагает необходимости вдаваться в детальные анатомические исследования физических способностей, то я ограничусь тем, что сведу их к трем следующим: к способности питаться, способности двигаться и способности размножаться.

Что касается духовных способностей, то таких существует две: способность познания, воображения, или представления, и способность к волевым движениям.

О равенстве людей

Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако, если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое другой не мог бы претендовать с таким же правом. [...]

Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение наших целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами.

О свободе человека

Свобода и необходимость совместимы. Вода реки, например, имеет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно. В самом деле, так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как всякий акт человеческой воли, всякое желание и склонность проистекают из какой-нибудь причины, а эта причина — из другой в непрерывной цепи (первое звено которой находится в руках бога — первой из всех причин), то они проистекают из необходимости.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.309-350.

Бенедикт Спиноза (1632-1677)

Великий нидерландский философ, материалист, пантеист и атеист. Родился в Амстердаме, в еврейской купеческой семье. В детстве учился в еврейском религиозном училище. В юности, особенно после смерти отца (1654), когда Спиноза некоторое время возглавлял его торговое предприятие, он завел множество научных и дружеских связей за пределами еврейской общины, среди лиц, радикально настроенных по отношению к господствовавшим в Нидерландах порядкам, и в особенности к господствовавшей религиозной идеологии. По мере этого усиливалось его отчуждение и от еврейской общины, которой руководили ревностные и нетерпимые поборники иудаизма. После ряда предупреждений они в 1656 г. подвергли Спинозу «великому отлучению» и изгнали его из общины, а вместе с тем и из Амстердама. Найдя поддержку и убежище у друзей, Спиноза отдался интенсивной научно-философской деятельности.

Основные произведения — «Этика», «Богословско-политический трактат». Последнее произведение вызвало бурю негодования среди церковников и реакционеров. В 1674 г. оно было запрещено голландским правительством, что, в частности, помешало публикации главного произведения Спинозы — «Этики», оконченной в 1675 г. Ниже приводятся фрагменты из этого произведения.

Панпсихизм

Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться. Под *атрибутом* я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее её сущность.

Под *богом* я разумею существо абсолютно бесконечное (*ens absolute infinitum*), т. е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность.

Теорема 13. *Субстанция абсолютно бесконечная неделима.*

Теорема 14. *Кроме бога, никакая субстанция не может ни существовать, ни быть представляема.*

Теорема 15. *Все, что только существует, существует в боге, и без бога ничто не может ни существовать, ни быть представляемо.*

Есть люди, которые воображают, будто бог подобно человеку состоит из тела и души и подвержен страстям. Но уже из доказанного ясно, как далеки они от познания истинного бога. ...под телом мы понимаем некоторую величину, имеющую длину, ширину и глубину и ограниченную какой-либо определенной фигурой; о боге же, существе абсолютно бесконечном, нельзя ничего сказать бессмысленнее этого. Протяженная субстанция составляет один из бесконечно многих атрибутов бога.

Отдельные вещи составляют не что иное, как состояния или модусы атрибутов бога, в которых последние выражаются известным и определенным образом. И если пойдем таким образом далее до бесконечности, то мы легко представим себе, что вся природа составляет один индивидуум, части которого, т. е. все тела, изменяются бесконечно многими способами без всякого изменения индивидуума в его целом.

Теорема 17. *Бог действует единственно по законам своей природы и без чьего-либо принуждения.*

О природе и гармонии в ней

Природа не предназначает для себя никаких целей, и... все конечные причины составляют только человеческие вымыслы. После того как люди убедили себя, что все, что происходит, происходит ради них, они должны были считать главным в каждой вещи то, что для них всего полезнее, и ставить выше всего другого то, что действует на них всего приятнее. Отсюда они должны были образовать понятия, которыми могли бы выражать природу вещей, как-то: *добро, зло, порядок, беспорядок, тепло, холод, красота, безобразие и т. д.* А так как люди считают себя свободными, то возникли понятия о *похвальном и постыдном, грехе и заслуге.*

Все то, что способствует их благосостоянию или почитанию богов, люди называли *добром*, противоположное ему — *злом*. А так как не понимающие

природы вещей ничего не утверждают относительно самих вещей, а только воображают их и эти образные представления считают за познание, то, не зная ничего о природе вещей и своей собственной, они твердо уверены, что в вещах существует *порядок*. Именно если вещи расположены таким образом, что мы легко можем схватывать их образ в чувственном восприятии и, следовательно, легко припоминать их, то мы говорим, что они хорошо *упорядочены*, если же наоборот — что они находятся в дурном порядке или в *беспорядке*. А так как то, что мы легко можем вообразить, нам приятнее другого, то люди порядок ставят выше беспорядка, как будто бы порядок составлял в природе что-либо независимо от нашего представления, и говорят, что бог все сотворил в порядке, и таким образом, сами того не зная, приписывают богу воображение, если только не думают, что бои́х заботясь о человеческом воображении, расположил все вещи таким образом, чтобы они как можно легче могли быть воображаемы.

О теле и сознании человека

Тело человеческое слагается из очень многих индивидуумов (различной природы), из которых каждый весьма сложен. Некоторые из индивидуумов, из которых слагается человеческое тело, *жидки*, другие *мягки*, третьи, наконец, *тверды*.... Человеческое тело нуждается для своего сохранения в весьма многих других телах, через которые оно непрерывно как бы возрождается.

Человеческая душа есть часть бесконечного разума бога. Поэтому, когда мы говорим, что человеческая душа воспринимает то или другое, мы этим говорим только, что бог...имеет ту или другую идею.

Объектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело... душа и тело составляют одну и ту же вещь, в одном случае представляемую под атрибутом мышления, в другом — под атрибутом протяжения.

Человеческая душа сознает тело человеческое и знает о его существовании только через идеи о состояниях, испытываемых телом. Душа, имеет ли она идеи ясные и отчетливые или смутные, стремится пребывать в своем существовании в продолжение неопределенного времени и сознает это свое стремление.

Идея души соединена с душой точно так же, как сама душа соединена с телом. ... идея души и сама душа существуют в боге, вытекая с одной и той же необходимостью из одной и той же способности мышления, так как в действительности идея души, т. е. идея идеи, есть не что иное, как форма идеи, поскольку она рассматривается как модус мышления безотносительно к объекту. Ибо, раз кто-нибудь что-либо знает, он тем самым знает, что он это знает, и вместе с тем знает, что он знает, что он это знает, и так до бесконечности.

Идеи состояний человеческого тела, поскольку они относятся к одной только человеческой душе, не суть идеи ясные и отчетливые, но смутные.

Я настаиваю на том, что душа имеет не адекватное познание о самой себе, о своем теле и о внешних телах, но только смутное и искаженное...

Душа может воображать и вспоминать о вещах прошедших, только пока продолжает существовать ее тело... Человеческая душа не может совершенно уничтожиться вместе с телом, но от нее остается нечто вечное.

О познании мира

Человеческая душа способна к восприятию весьма многого и тем способнее, чем в большее число различных состояний может приводить ее тело. Идея всякого состояния, в которое тело человеческое приводится действием внешних тел, должна заключать в себе как природу человеческого тела, так и природу тела внешнего.... Отсюда следует, во-первых, что душа человеческая воспринимает вместе с природой своего тела и природу многих других тел.

Все люди рождаются не знающими причин вещей, и все они имеют стремление искать полезного для себя, что они и сознают. ... Чем какое-либо тело способнее других к большему числу одновременных действий или страданий, тем душа его способнее других к одновременному восприятию большего числа вещей.

Все идеи, поскольку они относятся к богу, истинны.... Ложность состоит в недостатке познания, заключающемся в неадекватных, т. е. искаженных и смутных, идеях.

.... мы многое постигаем и образуем всеобщие понятия, во-первых, из отдельных вещей, искаженно, смутно и беспорядочно воспроизводимых перед нашим умом нашими чувствами; поэтому я обыкновенно называю такие понятия *познанием через беспорядочный опыт* (*cognitio ab experientia vaga*). Во-вторых, из знаков, например из того, что, слыша или читая известные слова, мы вспоминаем о вещах и образуем о них известные идеи, схожие с теми, посредством которых мы воображаем вещи.... Оба этих способа рассмотрения вещей я буду называть впоследствии *познанием первого рода, мнением или воображением*. В-третьих, наконец, из того, что мы имеем общие понятия и адекватные идеи о свойствах вещей Этот способ познания я буду называть *рассудком и познанием второго рода*... Кроме этих двух родов познания существует, как я покажу впоследствии, еще третий, который будем называть *знанием интуитивным*. Этот род познания ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов бога к адекватному познанию сущности вещей.

Душа наша, поскольку она правильно воспринимает вещи, составляет часть бесконечного разума бога...и, следовательно, необходимо, чтобы ясные и отчетливые идеи нашей души были так же истинны, как идеи бога.

Об аффектах

Под *аффектами* я разумею состояния тела ..., которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний.

Душа наша в некоторых отношениях является активной, в других — пассивной, а именно: поскольку она имеет идеи адекватные, она необходимо

активна, поскольку же имеет идеи неадекватные, она необходимо пассивна.

Различные люди могут подвергаться со стороны одного и того же объекта различным аффектам, и один и тот же человек может в разные времена подвергаться от одного и того же объекта разным аффектам.

Названия аффектов возникли скорее из обыкновенного словоупотребления, чем из точного их познания. Существует столько же видов удовольствия, неудовольствия и желания, а следовательно, и всех аффектов, слагающихся из них (каково душевное колебание) или от них производных (каковы любовь, надежда, страх и т. д.), сколько существует видов тех объектов, со стороны которых мы подвергаемся аффектам.

Между всеми аффектами, относящимися к душе, поскольку она активна, нет никаких, кроме относящихся к удовольствию и желанию. Думаю, что я изъяснил, таким образом, главнейшие аффекты и душевные колебания, происходящие из сложения трех первоначальных аффектов, именно желания, удовольствия (радости) и неудовольствия (печали), и показал их первые причины. [...] Аффекты могут слагаться друг с другом столькими способами и отсюда может возникнуть столько новых видоизменений, что их невозможно определить никаким числом. *Желание* есть самая сущность человека, поскольку она представляется определенной к какому-либо действию каким-либо данным ее состоянием. *Удовольствие* есть переход человека от меньшего совершенства к большему. *Неудовольствие* есть переход человека от большего совершенства к меньшему. *Любовь* есть удовольствие, сопровождаемое идеей внешней причины. *Ненависть* есть неудовольствие, сопровождаемое идеей внешней причины.

Аффект может быть ограничен или уничтожен только противоположным и более сильным аффектом, чем аффект, подлежащий укрощению.

Аффект, составляющий пассивное состояние, перестает быть им, как скоро мы образуем ясную и отчетливую идею его... Всякий обладает способностью ясно и отчетливо познавать себя и свои аффекты если не абсолютно, то по крайней мере отчасти, а следовательно, и достигать меньшего страдания от них. [...] Должно заботиться о том, чтобы самый аффект был отделен от представления внешней причины и соединен с представлениями истинными. [...] Влечения или желания, обыкновенно возникающие из подобных аффектов, не будут чрезмерными. Ибо прежде всего должно заметить, что одно и то же влечение делает человека и активным и пассивным.

Естественный образ жизни человека

Так как разум не требует ничего противного природе, то он требует, следовательно, чтобы каждый любил самого себя, искал для себя полезного, что действительно полезно, и стремился ко всему тому, что действительно ведет человека к большему совершенству, и вообще чтобы каждый, насколько это для него возможно, стремился сохранять свое существование. ... отсюда следует, во-первых, что основание добродетели составляет самое стремление сохранить собственное существование и что счастье состоит в том, что человек может

сохранять его. Во-вторых, следует, что добродетели должно искать ради нее самой и что нет ничего лучше нее или полезнее для нас, ради чего должно было бы к ней стремиться. Наконец, в-третьих, следует, что самоубийцы бессильны духом и совершенно побеждаются внешними причинами, противными их природе.

... для человека нет ничего полезнее человека; люди, говорю я, не могут, желать для сохранения своего существования ничего лучшего, как того, чтобы все, таким образом, во всем согласовались друг с другом, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились сохранять свое существование и все вместе искали бы общепользующего для всех.

Но так как люди... подвержены аффектам, далеко превосходящим способность или добродетель человека..., то часто они влекутся в разные стороны... и бывают противны друг другу.... Поэтому, для того чтобы люди могли жить согласно и служить друг другу на помощь, необходимо, чтобы они поступились своим естественным правом и обязались друг другу не делать ничего, что может служить во вред другому.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.350-400.

Джон Локк (1632-1704)

Великий английский философ и политический деятель. Родился в семье судейского чиновника. Учился в Оксфордском университете и по окончании его некоторое время преподавал там. В 1667 г. поступил на службу к лорду Эшли, видному политическому деятелю Англии той эпохи, виднейшему лидеру противников режима реставрации. Локк стал непосредственным участником политической жизни и борьбы против феодального абсолютизма в Англии, занимал некоторое время административные должности. В процессе этой борьбы неоднократно был вынужден покинуть Англию, эмигрируя на континент (во Францию и Нидерланды). Не прекращая все это время научной деятельности в качестве естествоиспытателя и философа, Локк становится наиболее видным политическим идеологом партии вигов. Вскоре после «славной революции» 1688 г., когда английским королем стал нидерландский штатгальтер Вильгельм Оранский, Локк возвращается в Англию и выпускает здесь один за другим свои философские и политические труды, разработанные им ранее (все они написаны по-английски). Бажнейший из них — знаменитый и обширный «Опыт о человеческом разуме», появившийся в Лондоне в 1690 г. (автор работал над ним в общей сложности около 20 лет). Примерно одновременно были опубликованы «Письма о веротерпимости», «Трактаты о государственном правлении», а затем и ряд других произведений.

О несуществовании врожденных идей

Некоторые считают установленным взгляд, будто в разуме есть некоторые врожденные принципы, некоторые первичные понятия, ... так сказать запечатленные в сознании знаки, которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою на свет. Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как люди исключительно при помощи своих природных способностей, без всякого содействия со стороны врожденных запечатлений могут достигнуть всего своего знания и прийти к достоверности без таких первоначальных понятий или принципов. [...] Эти положения не запечатлены в душе от природы, ибо они неизвестны детям, идиотам и другим людям...

Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. — Предположим, что душа есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом она получает их? ... На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит.

Чувственное познание

Во-первых, наши чувства, будучи обращены к отдельным чувственно воспринимаемым предметам, доставляют уму разные отличные друг от друга восприятия вещей в соответствии с разнообразными путями, которыми эти предметы действуют на них. Таким образом мы получаем идеи желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами. Когда я говорю, что чувства доставляют их уму, я хочу сказать, что от внешних предметов они доставляют уму то, что вызывает в нем эти восприятия.

Рефлексия как источник познания

Во-вторых, другой источник, из которого опыт снабжает разум идеями, есть внутреннее восприятие деятельности нашего ума, когда он занимается приобретенными им идеями. Когда ум начинает размышлять и рассматривать эту деятельность, они доставляют нашему разуму идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Таковы восприятие, мышление, сомнение, вера, рассуждение, познание, желание ...

Об идеях и их образовании

Все, что ум замечает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называю «идеею»; способность, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю «качеством» предмета, в котором эта способность находится. Так, снежный ком способен породить в нас идеи белого, холодного и круглого.

Идея есть объект мышления. — Так как каждый человек сознает то, что он мыслит, и так как находящиеся в уме идеи есть то, чем занят ум во время мышления, то несомненно, что люди имеют в своем уме различные идеи, как, например, выражаемые словами «белизна», «твердость», «сладость»,

«мышление», «движение», «человек», «слон», «войско», «опьянение» и др.

Происхождение сложных идей

Их образует ум из простых идей.— До сих пор мы рассматривали идеи, при восприятии которых ум бывает чисто пассивным. Это — простые идеи, получаемые от вышеуказанных ощущения или рефлексии. ... Но ум, будучи совершенно пассивным при восприятии всех своих простых идей, совершает некоторые собственные действия, при помощи которых из простых идей, как материала и основания для остального, строятся другие. Действия, в которых ум проявляет свои способности в отношении своих простых идей, суть главным образом следующие три: 1) соединение нескольких простых идей в одну сложную; так образовались все сложные идеи; 2) сведение вместе двух идей, все равно, простых или сложных, и сопоставление их друг с другом так, чтобы обозревать их сразу, но не соединять в одну; так ум приобретает все свои идеи отношений; 3) обособление идей от всех других идей, сопутствующих им в их реальной действительности; это действие называется «абстрагированием», и при его помощи образованы все общие идеи в уме.

Сколько бы ни складывали и разъединяли сложные идеи, как бы ни было бесконечно их число и беспредельно то разнообразие, с которым они заполняют и занимают человеческую мысль, я все-таки считаю возможным свести их к следующим трем разрядам: 1) модусы, 2) субстанции, 3) отношения.

Модусы. «Модусами» я называю такие сложные идеи, которые, как бы они ни были соединены, не имеют в себе предпосылки самостоятельности их существования, а считаются либо зависимыми от субстанций, либо свойствами последних. Таковы идеи, обозначаемые словами «треугольник, благодарность, убийство» и др. [...]

Субстанции единичные и собирательные. Идеи субстанций есть такие сочетания простых идей, о которых считают, что они представляют различные отдельные вещи, существующие самостоятельно, и в которых всегда первой и главной бывает предполагаемая или неясная идея субстанции, как таковой. Таким образом, если к идее субстанции присоединится простая идея беловатого цвета, а также .определенного веса, твердости, ковкости и плавкости, мы получаем идею свинца; присоединенное к [идее] субстанции сочетание идей определенной формы вместе со способностью движения, мышления и рассуждения образует обычную идею человека.

Отношение. Последний разряд сложных идей составляет то, что мы называем «отношением», которое состоит в рассмотрении и сопоставлении одной идеи с другой.

Реальные идеи сообразуются со своими прообразами. — Кроме того, что мы уже сказали об идеях, имеются еще соображения об их отношении к вещам, от которых они взяты или которые, как предполагают, представляются ими. Таким образом, на мой взгляд, идеи могут быть

разделены на три разряда. Они бывают:

во-первых, реальные или фантастические,
во-вторых, адекватные или неадекватные,
в-третьих, истинные или ложные.

Во-первых, под «реальными идеями» я разумею такие идеи, которые имеют основание в природе, такие, которые имеют сообразность с реальным бытием и существованием вещей или со своими прообразами. «Фантастическими» или «химеричными» я называю такие идеи, которые не имеют ни основания в природе, ни сообразности с той реальностью бытия, к которой их молчаливо относят, как к их прообразу.

Происхождение общих слов

Слова в большинстве своем носят общий характер. — Так как все существующие вещи единичны, то могло бы казаться разумным, что такими должны также быть и слова (я имею в виду их значение), которые должны быть сообразны вещам; однако мы видим совершенно противоположное. Наибольшая часть слов, составляющих все языки, — общие термины; и это результат не небрежности или случая, а здравого смысла и необходимости.

Особое название для каждой отдельной вещи не принесло бы большей пользы совершенствованию знания, которое хотя и основано на единичных вещах, но расширяется благодаря общим воззрениям и надлежащим образом содействует сведению вещей в виды под общими названиями.

Как образовались общие термины? ... Слова приобретают общий характер оттого, что их делают знаками общих идей. А идеи становятся общими оттого, что от них отделяют обстоятельства времени и места и все другие идеи, которые могут быть отнесены лишь к тому или другому отдельному предмету. Посредством такого абстрагирования идеи становятся способными представлять более одного индивида, и каждый индивид, «имея» в себе сообразность с такой отвлеченной идеей, принадлежит (как мы говорим) к этому виду. [...]

Сущность человеческого познания

Наше познание касается наших идей. — Так как у ума во всех его мыслях и рассуждениях нет непосредственного объекта, кроме тех его собственных идей, одни лишь которые он рассматривает или может рассматривать, то ясно, что наше познание касается только их.

Познание есть восприятие соответствия или несоответствия двух идей. — На мой взгляд, познание есть лишь восприятие связи и соответствия либо несоответствия и несовместимости наших отдельных идей. В этом только оно и состоит. Где есть это восприятие, есть и познание. [...]

Шаги, которыми разум доходит до различных истин. — Ощущения сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место; и по мере того, как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти вместе с данными им именами. Затем, подвигаясь

вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен. Так разум наделяется идеями и словами, материалом для упражнения своей способности рассуждения. С увеличением материала, дающего разуму работу, применение его с каждым днем становится все более и более заметным.

Виды человеческого познания

1. *Интуитивное познание.* ... Если мы станем размышлять о своих способах мышления, то найдем, что иногда ум воспринимает соответствие или несоответствие двух идей непосредственно через них самих, без вмешательства, каких-нибудь других идей; это, я думаю, можно назвать «интуитивным познанием». Ибо уму не нужно при этом доказывать либо изучать, он воспринимает истину, как глаз воспринимает свет: только благодаря тому, что он на него направлен. Таким образом, ум воспринимает, что белое не есть черное, что круг не есть треугольник, что три больше двух и равно одному плюс два. Такого рода истины ум воспринимает при первом взгляде на обе идеи вместе одной лишь интуицией, без содействия других идей; и такого рода знание — самое ясное и наиболее достоверное, какое только доступно слабым человеческим способностям.

2. *Демонстративное познание.* ... В том случае когда ум не может соединить свои идеи так, чтобы воспринять их соответствие или несоответствие через их непосредственное сравнение и, так сказать, помещение [их] бок о бок или приложение друг к другу, он старается обнаружить искомое соответствие или несоответствие через посредство других идей (одной или нескольких, как придется); именно это мы и называем «рассуждением». Так, если ум хочет знать, соответствуют ли или не соответствуют друг другу по величине три угла треугольника и два прямых, он не может сделать это непосредственным созерцанием... Такие посредствующие идеи, служащие для выявления соответствия двух других идей, называются «доводами». И когда соответствие или несоответствие ясно и очевидно воспринимаются этим путем, они называются «доказательством», потому что соответствие показано разуму и ум заставляет его увидеть ...

3. *Чувственное познание существования отдельных вещей.* — Интуиция и доказательства суть две ступени (degrees) нашего познания. То, что не достигается тем или другим, с какою бы ни принималось уверенностью, есть лишь вера или мнение, а не знание, по крайней мере для всех общих истин. Есть правда, и другое восприятие в уме, касающееся единичного существования конечных предметов вне нас; простираясь дальше простой вероятности, но не достигая вполне указанных степеней достоверности, оно сливется за «познание».

Ограниченность человеческого познания

...наше познание... более ограничено, чем наши идеи. — Из всего этого очевидно, что объем нашего познания не охватывает не только всех реально существующих вещей, но даже и области наших собственных идей. [...] У

нас есть идеи материи и мышления; но возможно, что мы никогда не будем в состоянии узнать, мыслит ли какой-нибудь чисто материальный предмет или нет. Без откровения, путем созерцания своих собственных идей мы не можем обнаружить, дал ли всемогущий бог некоторым системам материи, соответственно устроенным, способность воспринимать и мыслить, или же он присоединил и прикрепил к материи, таким образом устроенной, мыслящую нематериальную субстанцию.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. – Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1970. – С.413-438.

Готфрид Вильгельм Лейбниц

(1646-1716)

Великий немецкий философ и ученый-энциклопедист, крупный общественно-политический деятель своей эпохи. Родился в Лейпциге в семье юриста и преподавателя философии местного университета, в котором учился и сам Лейбниц. В дальнейшем отказался от академической карьеры и поступил на службу к Майнцскому курфюрсту. С 1676 г. — на службе у Ганноверского курфюрста в качестве библиотекаря, придворного историографа, а также политического советника по внешним делам. В историю естествознания Лейбниц вошел как крупнейший математик, разработавший дифференциальное и интегральное исчисление (независимо от Ньютона сформулировал более совершенные методы его), усовершенствовавший счетную машину Паскаля, решивший ряд первостепенных технических проблем своего времени, высказавший ряд гениальных идей в области геологии, биологии, юриспруденции, языкознания и других наук. Был членом лондонского Королевского общества и Парижской академии наук. Лейбниц много занимался организацией научной работы, был основателем и первым президентом Берлинской академии наук. Неоднократно встречался с Петром I во время его зарубежных поездок в 1711—1716 гг., выдвигая в беседах с ним идеи распространения научных знаний в России и организации здесь академии наук.

Свои философские идеи Лейбниц сформулировал в работах «Теодицея» (1710) и «Монадология» (1714) — краткое и популярное изложение сложившейся идеалистической системы Лейбница. Ниже приведены отрывки из основной философской работы Г.В. Лейбница «Монадология».

Душа и дух как монады

Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая — значит не имеющая частей. А где нет частей, там нет ни протяжения, ни фигуры и невозможна делимость. Эти-то монады и суть истинные атомы природы, одним словом,

элементы вещей.

Преходящее состояние, которое обнимает и представляет собой множество в едином или в простой субстанции, есть не что иное, как то, что называется *восприятием (перцепцией)*... Деятельность внутреннего начала, которая производит изменение или переход от одного восприятия к другому, может быть названа *стремлением*.

Если бы мы хотели называть душой все, что имеет *восприятия* и *стремления*,... то можно бы все простые субстанции или сотворенные монады назвать душами; но так как чувство есть нечто большее, нежели простое восприятие, то ... *душами* можно называть только такие монады, восприятия которых более отчетливы и сопровождаются памятью.

Ибо мы в самих себе можем наблюдать такое состояние, в котором мы ни о чем не помним и не имеем ни одного ясного восприятия, как, например, когда мы падем в обморок или когда мы отягчены глубоким сном без всяких сновидений. В этом состоянии душа не отличается заметным образом от простой монады; но так как это состояние непродолжительно и душа освобождается от него, то она есть нечто большее, чем простая монада.

Мы видим также, что природа дала животным выдающиеся восприятия путем той заботливости, какую приложила она, снабдив их органами, которые собирают несколько световых лучей или несколько волн воздуха, чтобы их соединением придать им больше силы. [...]

Память дает душе род *связи по последовательности*, которая походит на рассудок, но которую нужно отличать от него. Именно, как мы видим, животные, при восприятии чего-нибудь их поражающего, от чего они имели до этого подобное же восприятие, при помощи памяти ожидают того, что было соединено в этом предшествовавшем восприятии, и в них возбуждаются чувства, подобные тем, какие они тогда имели. Например, когда собакам показывают палку, они припоминают о боли, которую она им причиняла, и воют или убегают [...].

Люди, поскольку последовательность их восприятий определяется только по началу памяти, действуют как животные, уподобляясь врачам-эмпирикам, которые обладают только практическими сведениями, без теоретических; и в трех четвертях наших поступков мы бываем только эмпириками; например, мы поступаем чисто эмпирически, когда ожидаем, что завтра наступит день, потому что до сих пор так происходило всегда. И только астроном судит в этом случае при помощи разума. Но познание необходимых и вечных истин отличает нас от простых животных и доставляет нам обладание *разумом* и науками, возвышая нас до познания нас самих и бога. И вот это называется в нас разумной душой или *духом*.

Равным образом через познание необходимых истин и через их отвлечения мы возвышаемся до *рефлексивных* актов, которые дают нам мысль о том, что называется *я*, и усматривать *в себе* существование того или другого; а мысля о себе, мы мыслим также и о бытии, о субстанции, о простом и сложном, о невещественном и о самом боге, постигая, что то, что в нас ограничено, в нем

беспредельно. И эти-то рефлексивные акты доставляют нам главные предметы для наших рассуждений.

... всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина, или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные. ... Отсюда видно, что у каждого живого тела есть *господствующая* энтелехия, которая в животном есть душа; но члены этого живого тела полны других живых тел, растений, животных, из которых каждое имеет опять свою энтелехию, или господствующую душу.

Философы были в большом затруднении насчет происхождения форм, энтелехий, или душ; но теперь, когда замечено путем точных исследований, произведенных над растениями, насекомыми и животными, что органические тела в природе никогда не происходят из хаоса, или из гниения, но всегда из семян, в которых, без сомнения, было некоторое *предобразован-ие*, то отсюда вытекло заключение, что не только органическое тело существовало еще до зачатия, но и душа в этом теле, и одним словом, само животное, и что посредством зачатия это животное было лишь побуждено к большому превращению, чтобы стать животным другого рода. Нечто подобное замечаем мы и там, где нет собственно рождения, например когда черви становятся мухами, а гусеницы бабочками...

Итак, можно сказать, что не только неразрушима душа (зеркало неразрушимой Вселенной), но и самое животное, хотя его машина часто гибнет по частям и покидает или принимает органические одеяния.

Эти положения дали мне средство объяснить естественным образом соединение или, скорее, согласие души с органическим телом. Душа следует своим законам, тело — также своим; и они соотносятся в силу *гармонии, предустановленной* между всеми субстанциями, так как они все суть выражения одной и той же Вселенной.

Души действуют согласно законам *конечных причин* — посредством стремлений, целей и средств. Тела действуют по законам *причин действующих (производящих)*, или движений. И оба царства — причин действующих и причин конечных — гармонируют между собой.

Декарт принимал, что души не могут давать телам силу, потому что в материи количество силы всегда одно и то же. Однако он думал, что душа может изменять направление тел. Но произошло это оттого, что в его время не знали закона природы, по которому в материи существует, сверх того, сохранение одного и того же направления в целом. Если бы Декарт заметил этот закон, он пришел бы к моей системе предустановленной гармонии.

По этой системе тела действуют так, как будто бы (предполагая невозможное) вовсе не было душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел; вместе с тем оба действуют так, как будто бы одно влияло на другое.

Что же касается *духов*, или разумных душ,... только те, которые, так сказать, избраны, путем действительного зачатия достигают степени человеческой природы, их ощущающие души возвышаются на степень

разума и до преимуществ духов. Среди прочих различий, какие существуют между обыкновенными душами и духами и часть которых я уже указал, есть еще следующее: души вообще суть живые зеркала или отображения мира творений, а духи, кроме того, суть отображения самого божества... Вследствие этого духи способны вступать в некоторого рода общение с богом, и он стоит к ним в отношении не только изобретателя к своей машине (каков бог по отношению к другим тварям), но и в отношении правителя к подданным и даже отца к детям.

Отсюда легко вывести заключение, что совокупность всех духов должна составлять град божий, т. е. самое совершенное, какое только возможно, государство под властью самого совершенного монарха.

Этот град божий, эта поистине вселенская монархия есть мир нравственный в мире естественном и представляет собой наиболее возвышенное и самое божественное из дел божьих; в нем и состоит истинная слава божья...

О врожденности идей (дискуссия с Дж. Локком)

Наши разногласия касаются довольно важных вопросов. Дело идет о том, действительно ли душа сама по себе совершенно чиста подобно доске, на которой еще ничего не написали (*tabula rasa*), как это думают Аристотель и наш автор [Локк], и действительно ли все то, что начертано на ней, происходит исключительно из чувств и опыта, или же душа содержит изначально принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом, как это думаю я вместе с Платоном, а также со схоластиками... Не без основания думают, что эти искры отмечают нечто божественное и вечное, обнаруживающееся особенно в необходимых истинах.

Действительно, если известные явления можно предвидеть до всякого опыта по отношению к ним, то ясно, что мы привносим сюда нечто от себя. Хотя чувства необходимы для всех наших действительных знаний, но они недостаточны для того, чтобы сообщить их нам полностью, так как чувства дают всегда лишь примеры, т. е. частные или индивидуальные истины....

Отсюда следует, что необходимые истины — вроде тех, которые встречаются в чистой математике, а в особенности в арифметике и геометрии, — должны покоиться на принципах, доказательство которых не зависит от примеров, а следовательно, и от свидетельства чувств, хотя, не будь чувств, нам никогда не пришлось бы в голову задумываться над ними...

Правда, не следует думать, будто эти вечные законы разума можно прочесть в душе прямо, без всякого труда, подобно тому как читается эдикт претора на его таблице, но достаточно, если их можно открыть в нас, направив на это свое внимание, поводы к чему доставляют нам чувства.

В этом заключается также различие между человеческим знанием и знанием животных. Животные — чистые эмпирики и руководствуются только примерами. В самом деле, животные, насколько можно судить об этом,

никогда не доходят до образования необходимых предложений, между тем как люди способны к наукам, покоящимся на логических доказательствах.

...Выводы, делаемые животными, в точности такие же, как выводы чистых эмпириков, уверяющих, будто то, что произошло несколько раз, произойдет снова в случае, представляющем сходные — как им кажется — обстоятельства, хотя они не могут судить, имеются ли налицо те же самые условия. Благодаря этому люди так легко ловят животных, а чистые эмпирики так легко впадают в ошибки.

...можно ли отрицать, что в нашем духе имеется много врожденного, так как мы, так сказать, врождены самим себе, и что в нас имеются бытие, единство, субстанция, длительность, изменение, деятельность, восприятие, удовольствие и тысячи других предметов наших интеллектуальных идей? Так как эти предметы непосредственно и всегда имеются в нашем разуме (хотя мы, отвлеченные своими делами и поглощенные своими нуждами, не всегда сознаем их), то нечему удивляться, если мы говорим, что эти идеи вместе со всем тем, что зависит от них, врождены нам. Я предпочел бы поэтому сравнение с глыбой мрамора с прожилками сравнению с гладким куском мрамора или с чистой доской — тем, что философы называют *tabula rasa*... Таким же образом идеи и истины врождены нам подобно склонностям, предрасположениям, привычкам или естественным потенциям (*virtualites*), а не подобно действиям, хотя эти потенции всегда сопровождаются соответствующими, часто незаметными действиями.

...почему мы должны приобретать все лишь с помощью восприятий внешних вещей и не можем добыть ничего в самих себе? Неужели наша душа сама по себе столь пуста, что без заимствованных извне образов она не представляет ровно ничего? Не думаю, чтобы наш рассудительный автор мог одобрить подобный взгляд. И где мы найдем доску, которая сама по себе не представляла бы некоторого разнообразия? Никто никогда не видел совершенно однородной и однообразной плоскости. Почему же и мы не могли бы добыть себе каких-нибудь объектов мышления из своего собственного существа, если захотели бы углубиться в него? Поэтому я склонен думать, что по существу взгляд нашего автора на этот вопрос не отличается от моих взглядов или, вернее, от общепринятых взглядов, коль скоро он признает два источника наших знаний — чувства и рефлексию.

О неосознаваемых восприятиях

...есть тысячи признаков, говорящих за то, что в каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т. е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаем, так как эти впечатления или слишком слабы и многочисленны, или слишком однородны, так что в них нет ничего, отличающего их друг от друга; но в соединении с другими восприятиями они оказывают свое действие и ощущаются — по крайней мере неотчетливо — в своей совокупности. Чтобы еще лучше пояснить мою мысль о малых восприятиях, которых мы не можем различить

в массе, я обычно пользуюсь примером шума морского прибоя, который мы слышим, находясь на берегу. Шум этот можно услышать, лишь услышав составляющие это целое части, т. е. услышав шум каждой волны, хотя каждый из этих малых шумов воспринимается лишь неотчетливо в совокупности всех прочих шумов, т. е. в самом этом рокоте, и хотя каждый из них не был бы замечен, если бы издающая его волна была одна.

Эта теория ниспровергает учение о душе — чистой доске, душе без мышления, субстанции без деятельности, о пустом пространстве, об атомах и даже учение о неразделенных актуально частицах материи, об абсолютном покое, о полном единообразии какой-нибудь части времени. Если же мы примем все это за чистую монету и станем думать, что вещи, которых мы не сознаем, не находятся в душе или в теле, то мы совершим такую же ошибку в философии, какую делают в политике, пренебрегая [...] незаметным прогрессом...

О своеобразии индивидуальной психики

Это учение о незаметных восприятиях объясняет также, почему и каким образом две человеческие души или две вещи одного и того же вида никогда не выходят совершенно тождественными из рук творца и обладают каждая своим изначальным отношением к тому положению, которое им предстоит занять во Вселенной. Но это следует уже из того, что я сказал о двух индивидах, а именно что различие между ними не только нумерическое... Действительно, различие между состояниями душ оказывается и оказывалось всегда различием между большей или меньшей чувствительностью, между более совершенным и менее совершенным и обратно, а это делает их прошедшее или будущее состояние столь же доступным объяснению, как и их настоящее состояние.

Об активности души

Я утверждаю также, что нельзя понять субстанций (материальной и нематериальной) в их сущности без всякой активности, что активность свойственна сущности субстанции вообще и, наконец, что понимание сотворенных существ не есть мера всемогущества божьего, но что их понятливость, или способность понимания, есть мера могущества природы, так как все, что соответствует естественному порядку, может быть понято каким-нибудь сотворенным существом.

Текст печатается с сокращениями по: Антология мировой философии [Текст]: В 4-х т. — Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Редактор-составитель В.В. Соколов. — М.: Мысль, 1970.- С.450-464.

Вопросы для самоконтроля по разделу 4:

1. В чем состоит ограниченность традиционной логики по Ф. Бэкону? В чем истоки заблуждений человека? Поясните, в чем состоят эмпирический и догматический способы познания.

2. Какой метод ведет к истинному познанию? Какие аксиомы характерны для этого метода?
3. Поясните мысль Р. Декарта «Мыслю, следовательно, существую». Каково значение сомнения в познании мира?
4. Поясните мысль Р. Декарта «Я только мыслящая вещь...». Каково значение мышления, разума в его взглядах? Что представляет собой мышление согласно Декарту?
5. Какие виды мыслей выделяет Декарт у человека?
6. Как происходит ощущение по Декарту? Каковы возможности чувственного познания?
7. Каковы способы познания мира с помощью мышления? Каковы их возможности в достижении истины?
8. Продемонстрируйте, как проявляется принцип психофизического параллелизма в работах Декарта.
9. Какова природа ощущений, восприятия и памяти во взглядах Т. Гоббса? Чем отличается от нее природа мышления? Каков способ истинного мышления?
10. Какие способности человека выделял Т. Гоббс? Охарактеризуйте его позицию относительно равенства людей.
11. Что представляет собой душа человека во взглядах Б. Спинозы? Какое продолжение нашла в его творчестве мысль Платона об идеях? В чем существенные отличия? Какие идеи может иметь человеческая душа?
12. Какие способы познания мира человеком выделял Б. Спиноза?
13. Что представляют собой аффекты и какими они бывают согласно взглядам Б. Спинозы?
14. Каков должен быть образ жизни человека по Б. Спинозе? В чем истоки противоречий и враждебности между людьми?
15. Что представляют собой идеи во взглядах Дж. Локка? Каково различие между простыми и сложными идеями?
16. Как образуются сложные идеи по Дж. Локку? Какие виды сложных идей выделял он?
17. В чем суть критики Дж. Локком теории врожденных идей? Каковы два источника познания? Каковы возможности человеческого познания?
18. Как обосновывает Г. Лейбниц наличие врожденных идей? Как проявляют себя врожденные человеку истины?

19. Каковы возможности эмпирического познания по Г. Лейбницу?
Какое познание возвышает человека над животными? Каковы особенности души человека?
20. Каково значение мыслей Г. Лейбница о неосознаваемых восприятиях, об осознании собственного Я?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ждан А.Н. История психологии: От античности до наших дней [Текст]: учеб пособие для вузов / А.Н. Ждан. – 7-е изд. – М.: Фонд «Мир»: Акад. Проект, 2007. – 573 с.
2. Хрестоматия по философии [Текст]: учеб пособие для вузов / сост. П.В. Алексеев; МГУ. – М.: Проспект, 2006. – 574 с.
3. Хрестоматия по истории философии [Текст]: В 3 ч.: учеб пособие для вузов / ред. Л.А. Микешина. – Ч.1.– М.: ВЛАДОС, 1998. – 445 с.
4. Хрестоматия по философии [Текст]: учеб пособие для вузов / Ред. В.П. Кохановский. – М.: Проспект, 2006. – 541 с.
5. Хрестоматия по истории философии [Текст]: учебное пособие для высших учебных заведений. — Ростов н/Д, 2002. – 486 с.
6. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии [Текст]: учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Высшая школа. – 1991. – 514 с.